

VI $\frac{6}{8}$

Годъ 15-й.

Кн. LVI.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1903, № 1.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла **В. Д. Миллера**

и

Товарища Предсѣдателя Н. О. Янчука.

МОСКВА.

Т во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммисіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1903.

С М Ъ С Ь.

Сказки киргизовъ Сыръ-Дарьинской области.

(Переводъ съ киргизскаго).

С к а з к а I.

Въ прежнія минувшія времена былъ одинъ несчастный бѣднякъ; жена его ежедневно пряла по одному мотку нитокъ и передавала мужу. Мужъ, отправляясь на базаръ, продавалъ (эти нитки) и, купивъ провизію, возвращался домой. Въ одинъ изъ дней, когда этотъ несчастный бѣднякъ, взявъ въ руки одинъ мотокъ нитокъ, шелъ на базаръ, онъ увидѣлъ передъ собою одного бѣлобородаго человѣка и привѣтствовалъ его. Этотъ бѣлобородый человѣкъ спросилъ: «Нитки, которыя у тебя въ рукахъ, за сколько продаешь?» Этотъ несчастный бѣднякъ сказалъ: «За одну теньгу¹⁾ продаю».

Старикъ сказалъ: «Я имѣю одно правоучительное слово; если за него продашь, я куплю (нитки)». Тутъ помянутый несчастный бѣднякъ продалъ нитки за одно правоучительное слово. Бѣлобородый человѣкъ, взявъ въ руки нитки, произнесъ: «О, дитя мое! *Раньше смерти душа не покидаетъ, раньше времени солнце не восходитъ.* Вотъ мое правоученіе», сказалъ (старикъ).

Послѣ того помянутый несчастный бѣднякъ возвратился домой. Жена за продажу нитокъ за правоучительное слово очень осердилась на мужа. Она потомъ, всю ночь процпявъ, на утро дала мужу одинъ мотокъ нитокъ. «Если ты, поддавшись обману старика, продашь нитки за правоученіе, то не приходи къ дому» — сказала она. Мужъ ей сказалъ: «Хорошо».

Когда онъ шелъ на базаръ, вчерашній бѣлобородый человѣкъ опять встрѣтился съ нимъ. «Прими мое одно правоучительное слово, а нитки отдай мнѣ» — сказалъ (старикъ). Нитки онъ опять отдалъ, а старикъ сказалъ: «*Если ты попадешь въ незнакомое мѣсто и если твой спутникъ заснетъ, ты оставайся неспящимъ.*»

¹⁾ *Теньга*—туземная монета, серебряная, равняющаяся 20 к., нынѣ уже не существуетъ.

На слѣдующій день старикъ опять получилъ одинъ мотокъ нитокъ и сказалъ правоученіе: «*Тамъ, гдѣ отвѣдалъ соль, не будь тому врагомъ*».

Спустя день старикъ еще получилъ нитокъ и опять сказалъ правоученіе: «*Отъ ранней пищи не отказывайся, а поздней пищи не дожидайся*». Наконецъ черезъ день старикъ опять получилъ нитокъ и сказалъ: «*Сегодняшнюю злобу прибереги на завтра*».

Итакъ, пять мотковъ нитокъ несчастный бѣднякъ продалъ за пять правоученій. Жена послѣ того стала съ нимъ ссориться, не подпускала его къ дому и, сказавъ: «Ты можешь питаться правоученіями», прогнала его совсѣмъ изъ дома.

Несчастный мужъ, струсивъ своей жены, нанявшись въ работники, уѣхалъ съ однимъ караваномъ. Проведя въ пути нѣсколько дней, этотъ большой караванъ прибылъ въ безводную степь. Здѣсь оказался одинъ колодезь. Когда опускали бадью въ колодезь, то она оставалась въ колодезѣ. Тогда караванбаши спустилъ въ колодезь одного человѣка, но голова его осталась въ колодезѣ, а наружу вышло только туловище. Послѣ того много людей было спущено въ колодезь, но ни одинъ изъ нихъ не вышелъ живымъ. Тутъ караванбаши выложилъ тысячу золотыхъ тиллей и сказалъ: «О, молодцы! тотъ, кто спустится въ этотъ колодезь и, доставши воды, утолитъ жажду каравана, тотъ пусть получитъ въ вознагражденіе эти тилли, а ежели будетъ вытасченъ изъ колодца мертвымъ, то пусть получитъ эти тилли въ *кунъ*¹⁾ семья того человѣка».

Тогда помянутый несчастный бѣднякъ вспомнилъ правоученіе бѣлобородаго старика. Вѣдь раньше смерти душа меня не покинетъ, а ежели смерть придетъ, то и не спускаясь въ колодезь помру—подумалъ несчастный бѣднякъ и, ободренный правоученіемъ и, желая получить тысячу тиллей, сталъ спускаться въ колодезь. На днѣ колодца, съ одного бока, сидѣли одинъ парень и одна молодуха. Молодуха была очень красива. Съ другого бока тоже сидѣли одинъ парень и одна молодуха. Молодуха была очень некрасива.

Когда (несчастный бѣднякъ) спустился въ колодезь, одинъ изъ парней спросилъ: «У котораго изъ насъ красивѣе жена?» Несчастный бѣднякъ отвѣтилъ: «Вѣждому свой (жена) кажется въ глазахъ его свѣтлою луною. Для каждаго возлюбленная кажется красивою». Тогда мужъ некрасивой женщины сказалъ: «Люди, раньше спускавшіеся въ колодезь, отвѣчали (миѣ):—Твоя жена дурна собою, а вотъ этого—красивая. Миѣ было тогда стыдно и я рѣзалъ имъ головы, а такъ какъ ты говоришь впопадъ, я выражаю тебѣ спасибо; такъ исполняй свое дѣло».

Когда названный несчастный бѣднякъ наполнилъ до сыта людей и скотъ каравана, мужъ некрасивой женщины далъ ему тысячу тиллей, а когда онъ вышелъ изъ колодца, съ тиллями караванбаши у него получились двѣ тысячи тиллей. Несчастный бѣднякъ сильно обрадовался. Потомъ этотъ большой караванъ, выйдя далѣе въ путь, прибылъ въ Кашмиръ.

1) „Кунъ“—отъ персид. слова *кунъ*, т. е. кровь. Отсюда—цѣна за кровь.

Здѣсь людей каравана разобрали по два, по два въ гости, а несчастный бѣднякъ съ однимъ человѣкомъ (каравана) попалъ въ гости къ одной старухѣ. Спутникъ его здѣсь заслужъ. Вспомнивъ правоученіе бѣлобородатаго человѣка, несчастный бѣднякъ не спалъ, а притворился спящимъ.

Въ это время старуха, принявъ ихъ за спящихъ, встала съ постели и посыпала по полу сакви, пшеницы. Когда старуха произнесла «Кишь, Кишь», изъ за сакви прибѣжали двѣ мыши и встали передъ старухой. Тогда старуха навинула на шею мышей ошейники, вснахала ими землю и полила своей уриной; пшеница въ одинъ мигъ поспѣла и была съята. Потомъ помянутыя мыши вымолотили ее, а старуха смолотла зерно въ муку, испекла лепешки, положила ихъ на скатерть и сама ушла въ поле. Тогда, неспящій бѣднякъ всталъ съ постели, взявъ эти лепешки и положилъ въ свой мѣшокъ, а свои лепешки выложилъ на скатерть старухи.

Не подозрѣвая ничего, вернувшись съ поля, старуха положила лепешки, лежація на скатерти, передъ обоими гостями. Когда гости приступили къ ѣдѣ лепешекъ, старуха все время произносила: «Кишь, Кишь». Тогда бѣднякъ, сказавъ: «О, маты! и вы отвѣдайте нашу соль, поѣшьте нашихъ лепешекъ», — досталъ изъ мѣшка ея лепешки и подалъ ей. Въ то время, когда старуха сдѣла и ѣла лепешки, несчастный бѣднякъ произнесъ: «Кишь, кишь». Изъ за сакви прибѣжали двѣ мыши и обѣ вѣбжали въ уши старухи. Старуха, обратившись въ осла, взошла на ноги. Эти два (гостя) съѣли верхомъ на нее.

На другой день оказалось, что все люди при караванѣ также обратились въ ослевъ и на нихъ ѣздили верхомъ жители города (Кашмира). Когда жители города пришли въ домъ старухи, они увидѣли, что и она обратилась въ осла. Тогда Кашмирцы заплакали навзрыдъ.

— «Оказывается его (бѣдняка) молитва лучше нашей, что онъ, обративъ нашу мать въ осла, съѣлъ на нее», приговаривали они и, кланяясь ему въ ноги, стали подносить много подарковъ. Обративъ всехъ ослевъ при караванѣ снова въ людей, несчастный бѣднякъ достигъ богатства. Теперь они (т. е. караванъ) направились домой.

Когда стали приближаться къ своему городу, караванбаши послалъ бѣдняка впередъ съ радостными вѣстями къ себѣ домой. Черезъ нѣсколько дней (бѣднякъ) прибылъ въ домъ караванбаши. Жена караванбаши этого несчастнаго бѣдняка стала сбивать съ пути. «Полюби меня» — говорила она. Этотъ бѣднякъ, вспомнивъ правоучительныя слова бѣлобородатаго человѣка: «Тамъ, гдѣ отвѣдалъ соль, не будь тому вратомъ» — не поддался словамъ искушенія.

«Когда караванбаши вернется, вѣдь онъ (бѣднякъ) обнаружитъ мои дѣянія. До этого лучше я убью его, дабы онъ не выдалъ мою вину», подумала женщина (жена караванбаши) и, прійдя къ лепешечнику, сказала: «О, лепешечникъ, я тебѣ сдѣлала много добра, такъ не забывай этого. Я тебѣ дамъ одно порученіе, конечно, ты исполнишь. Если ты его не исполнишь, я убью тебя самого».

— «Хорошо», — сказалъ лепешечникъ.

Тогда женщина сказала: «Утромъ придетъ къ тебѣ одинъ человѣкъ, ты его немедленно брось въ печь, чтобы онъ, сгорѣвъ, померъ».

Женщина вернулась домой и сказала несчастному бѣднягу, чтобы онъ съ разсвѣтомъ пошелъ и принесъ отъ лепешечника лепешекъ. Этотъ несчастный бѣднякъ не зналъ дурного умысла женщины и пошелъ по направленію къ лепешечнику. Идетъ это онъ и видитъ, какъ одна старушка приготовляетъ болтушку.

— Вѣдь говорилъ мнѣ бѣлобородый человѣкъ: «Отъ ранней (утренней) пищи не отказывайся, а поздней пищи не дожидайся» — подумалъ (бѣднякъ), и остался въ домѣ старушки, чтобы поѣсть болтушки и идти потомъ далѣе.

Въ это время жена караванбаши, выйдя изъ дому, накрывшись, прошла къ лепешечнику, для того чтобы посмотреть, какъ помираетъ въ огнѣ бѣднякъ. Лепешечникъ, не взглянувъ въ лицо женщины, сгрѣбъ ее и бросилъ въ огонь.

Когда несчастный бѣднякъ, поѣвъ болтушки, пришелъ къ лепешечнику, женщина уже сгорѣла и померла.

Объ умыслахъ женщины (бѣднякъ) узналъ только отъ лепешечника и благодарилъ Бога. Если-бы онъ, не дождавшись ранней пищи, ушелъ, то самъ бы, сгорѣвъ въ огнѣ, померъ.

Спустя немного дней, пріѣхалъ караванбаши и, услыжавъ о смерти жены и непорочности бѣдняка, остался очень доволенъ имъ.

Бѣднякъ, получивъ разрѣшеніе отъ караванбаши, прибылъ домой. Въ полночь, когда онъ вошелъ въ домъ, то увидѣлъ, что около жены его лежитъ одинъ мужчина. Чтобы убить его соннаго, онъ обнажилъ шашку, но вспомнивъ правоученіе: «Сегодняшнюю злобу побереги на завтра», вложилъ шашку въ ножны и легъ самъ на дворѣ.

На утро, когда онъ посмотрѣлъ, то узналъ, что лежавшій мужчина былъ его сынъ. Если-бы несчастный бѣднякъ позабылъ правоученіе, то убилъ бы своего сына.

Такъ знайте-жь теперь, что тотъ, который давалъ бѣднягу правоученія, былъ Азретъ-Хизръ ¹⁾, да будетъ надъ нимъ миръ.

Итакъ, вслѣдствіе того, что несчастный бѣднякъ не забылъ пять правоучительныхъ словъ, онъ достигъ своей цѣли.

Боже! да достигнуть цѣли всѣ созданія. Да будетъ такъ, Властитель міровъ!

¹⁾ Хизръ—имя пророка, который будто бы нашелъ источникъ жизненной воды и выпилъ изъ него, а потому и будетъ жить до скончанія вѣковъ.— «Добраго тебѣ пути, да будетъ спутникомъ твоимъ Хизръ» — говорятъ обыкновенно киргизу, отъѣзжающему въ путь. По разсказамъ мѣстныхъ туземцевъ, Хизръ иногда встрѣчается съ людьми въ образѣ нищаго старца. Этого можетъ сподобиться одинъ изъ счастливѣйшихъ въ мірѣ. Говорятъ, что мусульманинъ одинъ разъ въ жизни своей долженъ обязательно встрѣтиться съ Хизромъ, но при встрѣчѣ онъ не подозреваетъ, что видитъ передъ собою Хизра.

С к а з к а II.

«Счастье», «Богатство» и «Разумъ» держали однажды втроемъ путь. По дорогѣ они поспорили и говорилъ каждый изъ нихъ: «Я мудрѣе, я мудрѣе».

Продолжая путь, они встрѣтили одного нищаго, голова котораго была паршивая, а икры въ коростахъ. Онъ пахалъ землю.

— Тотъ, кто изъ насъ мудрѣе, пусть поддержитъ и исцѣлитъ этого нищаго—думали они втроемъ; но Разумъ не принялъ участія. Богатство и Счастье вдвоемъ подошли (къ нищему) и поддержали его подъ руки. Посѣвы нищаго дали большой урожай, цѣны были высокія и онъ нажилъ большое богатство. Итакъ нищій сталъ богачемъ. Опьяненный богатствомъ и счастьемъ, онъ сосваталъ себѣ дочь одного царя. Въ одинъ изъ дней онъ соединился съ дочерью царя и, признавъ ее недостойной себя, онъ три ночи (спалъ) спиною къ ней. На четвертую ночь дѣвица (дочь царя) обхватила ласково мужа за шею и повернула къ себѣ, но мужъ толкнулъ ее мизинцемъ и вышибъ ей два лапачныхъ зуба. Узнавъ объ этомъ, царь пришелъ въ гнѣвъ.

— Пусть зять мой укажетъ на вину моей дочери, иначе я убью его—сказалъ царь, и повелъ зятю пѣшкомъ къ висѣлицѣ.

Тогда Счастье и Богатство засуетились.

— Опьяненный нами, вѣдь онъ дочери царя вышибъ зубы, и царь рѣшилъ казнить своего зятя, а мы стали причиной смерти этого несчастнаго (человѣка),—сказали они, идя вдвоемъ. Тутъ они увидѣли сидящимъ въ одномъ мѣстѣ Разумъ.

Взявъ за обѣ руки Разумъ, они сказали: «О, Разумъ, мы стали причиной несчастья одного несчастнаго (человѣка); если вы не изыщете какихъ либо средствъ (къ избавленію его), будетъ ему плохо».

Тогда Разумъ сказалъ: «Если я избавлю этого парня отъ смерти, подчинитесь-ли вы мнѣ?»

Счастье и Богатство почтительно поклонились и дали дорогу Разуму. Разумъ немедленно пришелъ и поддержалъ (совѣтомъ) подъ руки зятя царя.

Послѣ того парень, обращаясь къ собравшемуся народу, сказалъ: «О, народъ, я имѣю къ вамъ одну просьбу, дозвоьте сказать ее передъ смертью». Царь сказалъ: «Пусть онъ скажетъ свою просьбу». Тогда зять его сказалъ: «Дочь царя выросла чистой и непорочной, на тѣлѣ ея я не нашелъ никакого недостатка, но порочные зубы вышибъ; теперь она очистилась отъ порока».

Выслушавъ это, царь позвалъ мать, воспитавшую дочь, и спросилъ: «О, мать, какой имѣется порокъ у лапачныхъ зубовъ моей дочери, скажите. Если есть порокъ, то зятя я избавляю отъ мученій; если порока нѣтъ, повѣшу его на висѣлицѣ».

Мать сказала: «О, царь, жертвую вамъ своею душою, буду говорить правду. Въ то время, когда дочь ваша еще ползала, была у насъ одна молодая сука со щенятами, и вотъ смотрю я какъ-то въ одинъ изъ дней

и вижу, какъ она, играя со щенятами, сосеть суку. Увидя это своими глазами, я отняла ее своими руками».

Тогда царь, обращаясь къ своему народу, крикнулъ: «Браво! оказывается мой зять святой. Онъ угадалъ, какъ дочь моя въ младенчествѣ, по глупости, сосала суку; другихъ пороковъ не нашелъ, а ежели-бъ они были, то также бы указалъ на нихъ». Сказавъ это, при звукахъ трубъ и барабановъ, царь отпраздновалъ свадьбу своей дочери и проводилъ ее (къ мужу).

О, молодцы! знайте-же, что изъ этого примѣра видно, что безъ разума богатство и счастье, оказывается, ничто. Потому что мы полагаемъ, что еслибъ не было Разума, нашъ зять, опьяненный Богатствомъ и Счастьемъ, подвергся бы смерти, но онъ при помощи своего ума избавился отъ смерти. Каждый человѣкъ, если дать волю разуму, въ обоихъ мѣрахъ не потерпитъ вреда и мукъ. Но люди, обольщенные счастьемъ и богатствомъ, безъ участія разума, въ концѣ концовъ получаютъ одну печаль.

Боже! да не очутится человѣчество въ печали... Да будетъ такъ, Властитель міровъ!

С к а з к а III.

Въ прежнія времена одинъ верблюдъ, одинъ тигръ, одинъ боровъ и одна лисица—всѣ четверо пошли въ путь.

Въ одинъ изъ дней для тигра и лисицы настала гибель, они совсѣмъ проголодались. А верблюдъ съ боровомъ, щипля траву, насыщали свои желудки. Тигру и лисицѣ не было пищи. Тогда лисица, придя къ тигру, сказала: «О, богатырь, мы вдвоемъ дошли до того, что хоть помирай съ голоду. Что, если мы съѣдимъ верблюда?»

Тогда тигръ сказалъ: «Нѣтъ, тяжко будетъ насиліе надъ спутникомъ, причинить ему несправедливость невозможно».

— А ежели мы добровольно склонимъ къ этому верблюда, тогда можно?—спросила лисица. Тигръ сказалъ: «Да развѣ верблюдъ соглашался когда-нибудь помирать добровольно?»

Послѣ того лисица привела тигра къ верблуду и сказала: «О, верблюдъ, мы всѣ четверо спутники другъ-другу, но мы не могли еще воздать другъ-другу должное. Тигръ, боровъ и я, втроемъ, лишены съѣдобнаго, проголодались, и желудки наши почернѣли. Вы же, питаясь любою травою, насытивъ свой желудокъ, объ насъ совсѣмъ позабыли». Сказавъ это, лисица заплакала.

На это верблюдъ сказалъ: «О, мои спутники, развѣ я жалѣлъ когда-нибудь дѣлать для васъ добро по силѣ своей возможности. Въ силахъ ли я помочь вамъ теперъ?»

— Если вы согласны, мы васъ зарѣжемъ, раздѣлимъ на доли, а когда съѣдимъ мясо ваше, опять воскресимъ васъ, поставимъ на ноги,

да еще дадимъ вамъ (въ придачу) такого же верблюда, какъ вы. Такъ вѣрьте-жъ нашему обѣщанію—сказала лисица.

Тогда верблюдъ подумалъ: «если дадутъ мнѣ такого же верблюда, какъ я, и воскресятъ меня, такъ чего же лучше! Какъ бы то ни было, вѣдь насъ тогда будетъ два верблюда»—и согласился помереть.

Убивъ верблюда, мясо раздѣлили на четыре части. Одна доля была очень большая.

Тутъ лисица шопотомъ сказала тигру: «Вы замѣтили, что боровъ пзмѣнился и уже сталъ не прежній. Вѣдь сколько времени, при дѣлежѣ, мы признавали васъ старшимъ между нами. Когда я сказала, что вотъ эта большая доля предназначена вамъ, боровъ не согласился, напротивъ того, несправедливо выругалъ васъ и сказалъ, что большую долю онъ возьметъ самъ».

Увѣривъ въ этомъ тигра, (лисица) прибѣжала къ борову.

— О, дядя-боровъ! Тигръ, чтобъ его прибралъ Богъ, не годится быть спутникомъ нашимъ. Сколько разъ, при дѣлежѣ, мы считали его старшимъ, но добра нашего онъ совсѣмъ не понималъ. Когда я сказала, что вотъ эту большую долю отдадимъ вамъ, сдѣлаемъ нашего дядю-борова старшимъ, онъ не согласился. Вѣдь отцы и дѣды тигра были не знатнѣе васъ; но вы трусь, боитесь тигра. Еслибъ я имѣла во рту такое оружіе, какъ у васъ, и была такой представительной, какъ вы, я бы за такой поступокъ тигра отомстила бы ему; но что подѣлаю, я немощна,—сказала лисица.

Тогда боровъ сказалъ: «А можно-ли на этотъ разъ взять мнѣ большую долю (мяса)?»

— Можно,—сказала лисица.

Послѣ того лисица, тигръ и боровъ втроемъ подошли къ (верблюжему) мясу.

Лисица сдѣлала знакъ борову, боровъ бросился и налегъ на большую долю мяса.

Когда лисица сказала тигру:—«Вотъ видите, слова мои сбылись»—тигръ не выдержалъ, кинулся на борова и придавилъ его. Боровъ не могъ устоять противъ тигра, бросился бѣжать. Тигръ погнался за нимъ и убилъ борова въ камышахъ.

Теперь послушайте слова о лисицѣ.

Послѣ того, какъ тигръ погнался за боровомъ, лисица раздѣлила верблюжье мясо на мелкія части и попрятала подъ камни, засыпавъ землей.

Вернулся тигръ, а мяса нѣтъ.

— Гдѣ же мясо?—спросилъ тигръ у лисицы.

Лисица сказала: «Когда вы погнались за боровомъ, верблюдъ, вставъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что мы съ самага начала стали плутовать и, заподозрѣвъ насъ въ томъ, что мы не дадимъ ему (обѣщаннаго) верблюда, обидѣвшись на насъ, ушелъ».

Тигръ повѣрилъ этому.

Послѣ того лисица и тигръ нѣсколько дней питались мясомъ борова, и тѣмъ спасали свою жизнь (отъ голодной смерти).

Наконецъ покончили и мясо борова, а лисица, крадучись отъ тигра продолжала питаться припрятаннымъ мясомъ верблюда.

Тигръ сталъ тощать.

Въ одинъ изъ дней, добывъ въ одномъ мѣстѣ кусокъ мяса, (лисица) накормила тигра. И такъ послѣ того она кормила его въ недѣлю по одному разу.

Однажды лисица тигру сказала: «О, тигръ! сопутствуя много разъ вашему дядѣ, этотъ мужъ не разъ выручалъ меня въ стѣсненномъ положеніи, добывалъ мнѣ пищу. А вы, недобрый, не только добывать мнѣ пищу, стали обузой мнѣ».

Тогда тигръ сказалъ: «Не говори ты мнѣ такихъ словъ. Покажи ты моимъ взорамъ что-нибудь и, если я усташу, тогда можешь питать ко мнѣ злобу».

Послѣ этого разговора лисица подбросила у подошвы одной крутой впадины горы кусокъ мяса верблюда.

Въ одинъ изъ дней (лисица) вмѣстѣ съ тигромъ отправилась по крайямъ впадины (горы). Лисица и тигръ сразу увидѣли у подошвы впадины мясо.

Тутъ лисица сказала: «О, тигръ! покажите свое мужество и достаньте мнѣ вонъ это мясо, что лежитъ у подошвы оврага. Сопутствуя постоянно вашему отцу, онъ не разъ кормилъ меня мясомъ, доставая его изъ этого оврага. Теперь вы достаньте мнѣ это мясо. Развѣ не стыдно будетъ вамъ, если я, сопутствуя постоянно такому льву, какъ вы, помру съ голода».

Тигръ, отойдя назадъ, разбѣжался, но, подбѣжавъ къ обрыву, струсилъ и остановился.

Тогда лисица сказала: «Спасибо вамъ! Вы, оказывается, родились въ отца. Отецъ вашъ тоже, бывало, сначала разбѣгался».

Ободренный этой похвалой, тигръ ринулся съ обрыва и, ударясь о камни, упалъ, переломилъ себѣ позвонокъ и подохъ.

О, друзья! знаете-ли, не имѣя ума, верблюдъ согласился померѣть, боровъ поддался обману, тигръ расшибся и подохъ, а умная и смышленная лисица продолжала жить.

С к а з к а IV.

Въ прежнія времена жили семь братьевъ, родившіеся отъ одного отца и одной матери; всѣ они были *тазъ* (плѣшивые). Поэтому народъ имъ далъ прозвище—«семь плѣшивыхъ». Кромѣ того, жилъ еще одинъ молодець, онъ былъ тоже плѣшивый; народъ его прозвалъ «жекѣ-тазъ» (*одинокій-плѣшивый*).

Въ одинъ изъ дней одинокій плѣшивый, придя къ семи плѣшивымъ, сказалъ: «О, добрѣйшіе! я имѣю единственную корову, присоедините ее

на сегодня къ своимъ коровамъ и пустите на подножный кормъ, а я займусь починкою своихъ сапогъ.

— Хорошо—сказали семь плѣшивыхъ.

Сдавъ единственную свою корову семи плѣшивымъ, одинокій плѣшивый, придя домой, сталъ чинить свои сапоги.

Семь плѣшивыхъ держали такой совѣтъ: «Вѣдь мы не пастухи одинокаго плѣшиваго, убьемъ его корову». (Порѣшивъ на этомъ), корову одинокаго плѣшиваго они утопили въ болотѣ и, зарѣзавъ ее тамъ, дали знать хозяину.

— Корова твоя, чтобы напиться воды, забралась въ болото и утонула тамъ—сказали они.

Въ то время, когда одинокій плѣшивый, взявъ въ руки ножъ, пласталъ въ болотѣ корову, подошли къ водѣ шесть бѣлоголовыхъ верблюдовъ и стали пить воду.

Одинокій плѣшивый, поймавъ верблюдовъ, вѣсѣмъ имъ окрасилъ головы кровью (зарѣзанной) коровы и пустилъ. Верблюды отправились въ одну ложбину и стали щипать тамъ траву.

Спустя немного времени, подъѣхалъ на лошади одинъ человѣкъ и спросилъ одинокаго плѣшиваго: «Не видѣли-ли вы шесть верблюдовъ?»

Одинокій плѣшивый отвѣтилъ: «Вонъ въ той ложбинѣ лежатъ шесть верблюдовъ. Если признаете—угоните ихъ, если не признаете—пригоните ихъ сюда».

Этотъ человѣкъ поѣхалъ и, увидѣвъ, что у верблюдовъ головы красныя, не призналъ ихъ и пригналъ къ одинокому плѣшивому. Одинокій плѣшивый, навьючивъ мясо коровы, привелъ шесть верблюдовъ въ поводу къ себѣ домой.

Пришли семь плѣшивыхъ.

— О, одинокій плѣшивый, откуда вы взяли шесть верблюдовъ?—спросили они.

Тогда одинокій плѣшивый сказалъ: «Оказывается, если накрошить мелко сердце и печень коровы, начинить ими складчатый желудокъ коровы и вынести на рынокъ, даютъ много денегъ, но я, по глупости, продалъ дешево,—получилъ только шесть верблюдовъ».

Семь плѣшивыхъ, придя немедля домой, зарѣзали всѣхъ своихъ коровъ и, искрошивъ мелко сердце и печень, начинили складчатый желудокъ коровамъ и отправились на рынокъ. Тамъ надъ ними всѣ подшучивали; уже день сталъ вечерѣть, и они, осрамившись, вернулись домой, перенеся много неприятностей. Потомъ всѣ семеро стали держать совѣтъ.

— О, одинокій плѣшивый!.. *Да будетъ дочь его разведена мужемъ!*... ¹⁾ Оказывается, онъ большой нашъ врагъ, такъ убьемъ его мать,—сказали (семь плѣшивыхъ).

¹⁾ Это ругательное восклицаніе произносится у туземцевъ краткимъ словомъ: *Кызъ-талакъ*, что въ переводѣ значить: «Дочь разведена».

Итакъ, въ то время, когда одинокій плѣшивый былъ въ полѣ, задушили его мать.

Одинокій плѣшивый очень плакалъ по матери и узналъ, что она была убита семью плѣшивыми.

Одѣвъ свою умершую мать, накрывъ ея лицо покрываломъ и посадивъ ее на верблюда, (одинокій плѣшивый) выѣхалъ въ другія земли.

На другой день, когда онъ проѣзжалъ по одному аулу, одинъ чело-вѣкъ спросилъ: «Откуда вы ѣдете?»

Одинокій плѣшивый сказалъ: «Мать моя обладала разнымъ искусствомъ. А такъ какъ царь провозааетъ (къ жениху) свою дочь, она учила ее разному искусству, и вотъ теперь я везу мать свою (домой)».

Услыхавъ слова эти, всѣ дѣвицы и женщины (аула) окружили его, говоря, что онѣ желаютъ посмотрѣть пальцы той, которая научила искусству дочь царя, а также желаютъ и сами научиться отъ нея искусству.

— Не подходите близко! верблюдъ мой пугливый—кричалъ одинокій плѣшивый.

Въ это время одна дѣвица, сказавъ: «Развѣ твой верблюдъ не видѣлъ людей», подошла и ухватила за верблюда. Въ это время одинокій плѣшивый кольнулъ верблюда стальнымъ шиломъ въ ляжку. Верблюдъ, сильно брыкаясь, сбросилъ мать одинокаго плѣшиваго въ одну сторону, а его—въ другую. Одинокій плѣшивый, приговаривая: «Сломалось мое бедро», продолжалъ лежать, не освѣдомляясь о матери своей.

Спустя много времени, одинокій плѣшивый подползъ къ матери, открывъ ей лицо и, сказавъ: «мать моя померла», заплакалъ.

— Вы убили мою мать, мнѣ сломали бедро; теперь пойду я къ царю и укажу на васъ,—сказалъ одинокій плѣшивый.

Тогда народъ этого аула, умоляя одинокаго плѣшиваго, упалъ передъ нимъ на колѣни и выдалъ за него ту самую дѣвицу, которая напугала верблюда и, проводивъ ее, снабдилъ домашнюю утварью.

Одинокій плѣшивый прибылъ домой.

Семь плѣшивыхъ, придя къ одинокому плѣшивому, спросили: «Откуда взялъ эту дѣвицу?»

Одинокій плѣшивый молчалъ.

Семь плѣшивыхъ умоляли его, чтобы онъ сказалъ.

— Когда я находился въ полѣ, оказывается, мать моя померла. Брадуци отъ васъ тѣло своей матери, я повезъ на базаръ и продалъ за большія деньги, а на деньги эти купилъ вотъ эту дѣвицу совсѣмъ съ постелью,—сказалъ одинокій плѣшивый.

Послѣ того семь плѣшивыхъ, придя домой, посоветовались. Когда мать ихъ заснула, они задушили ее и, съ развѣтомъ, на спинѣ утащили на базаръ.

Сидя тамъ въ разныхъ мѣстахъ, они кричали: «Тѣло старухи принесли мы, нѣтъ ли покупателя мужа!»

Услышали этотъ крикъ царевіе есаулы. «Развѣ бываетъ рынокъ для лѣбоджи мертвецовъ», сказали они, и стали жестоко ругать (семь плѣшивыхъ).

Не переносившіе ранѣ такихъ оскорбленій, семь плѣшивыхъ, вернувшись домой, стали держать совѣтъ.

— Да будетъ дочь его разведена мужемъ!.. Этотъ одинокій плѣшивый, оказывается, нашъ врагъ; убьемъ его и отберемъ у него жену,— сказали они. Привязавъ за шею одинокаго плѣшиваго арканъ, повели его въ открытое поле и привязали тамъ къ одному дереву, а сами ушли за дровами, сказавъ: «Да будетъ дочь его разведена мужемъ!.. Этого одинокаго плѣшиваго мы убьемъ, бросивъ въ огонь».

Итакъ, семь плѣшивыхъ ушли.

Въ то время, когда одинокій плѣшивый былъ на привязи у дерева, подѣхалъ къ нему одинъ человѣкъ верхомъ. Онъ гналъ передъ собою восемь барановъ и былъ слѣпъ на одинъ глазъ. Подѣхалъ онъ къ этому дереву и сказалъ одинокому плѣшивому: «Что ты здѣсь дѣлаешь?»

Одинокій плѣшивый отвѣтилъ: «Я человѣкъ, помилованный Богомъ, потому что я былъ слѣпъ на оба глаза, но когда одинъ человѣкъ, одѣвъ меня въ это одѣяніе, привязалъ къ этому дереву, слава Тебѣ Господи, у меня стали видѣть глаза. Сталъ видѣть землю, вселенную; вотъ вижу и васъ».

Тогда (подѣхавшій) человѣкъ сказалъ: «Я слѣпъ на одинъ глазъ и сверстники мои смѣются надо мною, говоря: *онъ слѣпой*. Такъ привяжите меня къ этому дереву, чтобъ я могъ прозрѣть». Сказавъ это, развязалъ одинокаго плѣшиваго, а одинокій плѣшивый привязалъ его вмѣсто себя, надѣлъ на него свое платье и, одѣвшись въ платье пріѣхавшаго, сѣлъ на лошадь и погналъ барановъ.

Пришли семь плѣшивыхъ съ дровами и, принявъ привязаннаго къ дереву человѣка за одинокаго плѣшиваго, бросили его въ огонь, гдѣ онъ сгорѣлъ, а пепелъ костей его взяли съ собой и продолжали идти домой, какъ въ это время съ одной стороны неожиданно подошелъ къ нимъ одинокій плѣшивый.

Семь плѣшивыхъ спросили: «Откуда ты идешь?»

Одинокій плѣшивый отвѣтилъ: «Послѣ того, какъ вы, бросивъ меня въ огонь, убили, я отправился къ покойному моему отцу. Оказывается, что онъ сталъ очень богатымъ. Онъ далъ мнѣ одинъ халатъ, одну лошадь и восемь барановъ. Вотъ и гоню ихъ.

Семь плѣшивыхъ спросили: «Видѣлъ-ли ты нашего отца?»

Одинокій плѣшивый отвѣтилъ: «Видѣлъ, но не хочу говорить вамъ. Вѣдь вы мою дружбу принимаете во зло, а потому что жъ я вамъ буду говорить?»

Семь плѣшивыхъ умоляли, чтобы онъ сказалъ.

Тогда одинокій плѣшивый сказалъ: «Вашъ отецъ очень богатъ, а скота у него на столько много, что не помѣщается на томъ свѣтѣ. Онъ меня очень просилъ, чтобъ я передалъ его дѣтямъ, т. е. вамъ, поклонъ; просилъ, чтобы вы пришли къ нему и половину скота угнали оттуда и пасли на этомъ свѣтѣ. Но такъ какъ я былъ сердитъ на васъ, то не говорилъ объ этомъ, молчалъ».

Тутъ семь плѣшивыхъ повалились въ ноги одинокому плѣшивому, прося его, чтобъ онъ свелъ ихъ въ это мѣсто (т. е. къ ихъ отцу).

Взявъ съ собою семь плѣшивыхъ, онъ привелъ ихъ къ водовороту одной рѣки.

— Если вы войдете вотъ отсюда, то непременно встрѣтитесь съ вашимъ отцомъ, сказала одинокій плѣшивый.

Тогда всѣ семь плѣшивыхъ вошли въ водоворотъ рѣки, были затянуты въ глубь и тамъ погибли.

Изъ этого случая дѣти Адама должны брать примѣръ.

За непмѣниемъ ума, семь плѣшивыхъ, во-первыхъ, убили своихъ ко-ровъ, во-вторыхъ, убили свою мать и, въ-третьихъ,—погибли сами. А умно мыслящій одинокій плѣшивый самъ одинъ отомстил семерымъ; не имѣя же ума, какую пользу получили семь плѣшивыхъ отъ того, что ихъ много?

С к а з к а V.

Въ прежнія времена былъ одинъ справедливый царь. Царь этотъ, сидя въ высокой крѣпости, ежедневно замѣчалъ, какъ народъ собирался въ кучу и расходился.

Однажды царь спросилъ своего визиря: «Отчего вонъ на томъ мѣстѣ собирается народъ въ кучку, а потомъ опять расходится?»

Визирь сказалъ: «Одинъ человекъ приходитъ туда и продаетъ *разумъ*, а собравшійся народъ покупаетъ (у него) этотъ разумъ».

Царь былъ пораженъ этимъ.

— Если Богъ не далъ разума, то какъ же его купишь—думалъ царь.

И вотъ царь со скрытымъ намѣреніемъ пришелъ къ продавцу «разума». Продавцу разума онъ сказалъ: «Есть-ли у васъ подходящій для меня разумъ?»

Продавецъ разума сказалъ: «Кто вы такой будете?» Царь отвѣтилъ: «Я царь».

Продавецъ разума сказалъ: «Если вы царь, то у меня есть подходящее для васъ правоучительное слово, но вы прежде должны дать одну тысячу тиллей».

Царь, отсчитавъ, далъ одну тысячу тиллей.

Тогда продавецъ разума сказалъ: «Всякое дѣло начинай, подумавши: если не подумаешь, разрушится основаніе».

Слова эти царь приказалъ написать на всѣхъ сторонахъ стѣнъ своего дома, для того, чтобы каждый видѣвшій могъ прочитать.

Въ одинъ изъ дней царь потребовалъ къ себѣ цирюльника. Въ то время, когда шелъ цирюльникъ, царскій визирь сказалъ ему: «О, цирюльникъ, которой изъ этихъ бритвъ ты будешь брить волосы царя?»

Тогда цирюльникъ показалъ свою бритву, но визирь бросилъ бритву цирюльника и, сказавъ: «Для волосъ царя должна быть вотъ такая бритва» —далъ (цирюльнику) одну бритву съ золотой ручкой.

Цирульникъ эту бритву съ золотой ручкой взялъ въ свои руки, а свою бритву заткнулъ за поясъ. Придя потомъ къ присутствію царя, положилъ бритву съ золотой ручкой на столъ и, растирая волосы царя, сталъ озираться во всё стороны.

Цирульникъ былъ грамотный. Увидѣлъ всё надписи и прочелъ: «Всякое дѣло начинай, подумавши: если не подумаешь—разрушится основаніе».

Получивъ примѣръ изъ этихъ (нравоучительныхъ) словъ, цирульникъ не сталъ брить золотой бритвой, а обрилъ своей.

Когда обрили у царя голову, онъ съ гнѣвомъ спросилъ: «О, цирульникъ, ты должно быть нашелъ золотую бритву для меня не подходящей, что, выставивъ ее передъ моими глазами, обрилъ мои волосы бритвой съ деревянной ручкой?»

На это цирульникъ сказалъ: «О, государь! сами же вы написали: «Всякое дѣло начинай, подумавши: если не подумаешь, разрушится основаніе».—Вѣдь золотую бритву далъ (мнѣ) визирь вашъ, а такъ какъ съ секретомъ этой бритвы я не былъ ранѣе знакомъ, я, подумавши, обрилъ ваши волосы своей бритвой».

Царь, потребовавъ къ себѣ визиря своего, сказалъ: «Сейчасъ же обрежь свои волосы».

Цирульникъ обрилъ визиря, по приказанію (царя), золотой бритвой. Пока брили, визирь отдалъ Богу душу.

Оказалось, что помянутый визирь питалъ къ царю вражду, а потому обмануль бритву въ ядъ и предложилъ цирульнику обрить царя. Еслибъ цирульникъ не прочиталъ надписи, то обрилъ-бы царю волосы отравленной бритвой, и царь померъ-бы.

Царь, придя въ восторгъ и давъ цирульнику много добра, выпроводилъ его.

Когда царь пошелъ разыскивать продавца разума, то его уже не было, онъ, оказывается, ушелъ.

С к а з к а VI.

Птица, называемая *бидаыкъ*¹⁾, между всеми птицами занимаетъ высое положеніе.

Въ одинъ изъ дней, когда бидаякъ, обойдя всехъ птицъ, собрался летѣть домой, все птицы отправились проводить его, выражая ему лесть.

Бѣлый соколъ, кречетъ, соколъ и другія птицы, съ разрѣшенія бидаяка, вернулись съ проводовъ, такъ что при бидаякѣ остался лишь одинъ небольшой орелъ (бѣтѳоргӱ).

Этотъ небольшой орелъ (продолжая путь) сказалъ (бидаяку): «О, господинъ, мнѣ не всегда приходится сопровождать васъ; это еще пер-

¹⁾ Бидаякъ—по разсказамъ киргизовъ, одна изъ сильнѣйшихъ хищныхъ птицъ, но описать ея внѣшность они не могли. Въ словаряхъ я не встрѣтилъ русскаго названія этой птицы.

вый случай. Я сопровождаю васъ съ надеждой прокормиться (около васъ) день, другой».

Тогда бидакъ, сказавъ: «хорошо», бросилъ свой взглядъ къ сторонѣ одного обрыва, и взорамъ бидакъ показалаея какая-то птица. Чтобы предоставить пищу небольшому орлу, бидакъ стремительно ударился на показавшуюся птицу.

Посмотрѣлъ (бидакъ), а это, оказывается, были сѣти птицелова, и бидакъ попалъ въ руки.

Говорятъ, тогда бидакъ сказалъ съ горечью-сожалѣньемъ: «Слѣдую словамъ почтенныхъ, я достигалъ желаемого, слѣдую словамъ дурныхъ,— я остался осрамленнымъ».

Эти слова потомъ между киргизами вошли въ поговорку.

Также и люди, которые слѣдуютъ словамъ дурныхъ, попадають въ положеніе бидакъ и остаются въ печали. Мы питаемъ надежду, что Богъ всемогущій пошлетъ намъ хорошихъ спутниковъ. Аминь ¹⁾!

Г. Ташкентъ.

А. Диваевъ.

Грузинскіе духовные стихи.

Вьсти съ того сьта.

(Пѣсни, записанныя среди тушинъ Ивановъ Гомелаури).

Хочу я вамъ пропѣть стихи о мукахъ ада.

Когда солнце склонится къ западу, Христосъ Богъ возседеть на золотой тронъ. Рядомъ съ Нимъ располагаются судьи, взвѣшивающіе грѣхи и добрыя дѣла. Предъ ними вѣсы и ножницы. Судьи дѣлятъ по-поламъ нашъ волосъ. Когда мы вступили на волосяной мостъ, то испугались («я и Иванъ Картели, отправленные для спасенія души») и поблѣднѣли подумавъ: какъ можно пройти черезъ этотъ мостъ? Проводникъ проходить, раскрывъ словно орлиныя крылья. Взглянулъ я въ сторону рая, вижу въ нѣгѣ невѣтку свою, дѣвицы вышли ко мнѣ на встрѣчу: все трое были мои сестры.

— Братецъ, какъ ты сюда попалъ, кто далъ тебѣ на то силы?

— Сестры, попалъ я потому, что отъ Бога имѣлъ столько силы!

— Поди, братъ, позакусимъ: теплаго хлѣба и крѣпкаго укуса, а потомъ встань и иди—ты прошелъ длинный путь.

¹⁾ Все шесть сказокъ написаны киргизомъ Чимкентскаго уѣзда, Ногай-Куринской волости, Иркембекомъ Ахенбековымъ.

VI $\frac{6}{8}$

Годъ 16-й.

Кн. LX.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1904, № 1.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла **В. О. Миллера**

и

Товарища Предсѣдателя Н. О. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1904.

С М Ъ С Ъ.

Сказки киргизовъ Сыръ-Дарьинской области.

(Переводъ съ киргизскаго).

I.

Еще до Эмира Тимура Курагана девять паршивыхъ, собравшись изъ девяти мѣсть, держали вмѣстѣ путь. Всѣ они девять имѣли матерей. Въ одинъ изъ дней восемь (паршивыхъ) стали врагами Кейкувата ¹⁾.

Кейкуватъ имѣлъ единственнаго быка, который пасся въ степи. Восемь паршивыхъ взяли да убили этого быка. Отправившись на поиски и найдя убитаго своего быка, Кейкуватъ сталъ съ него снимать шкуру. Въ это время на него набрели девять верблюдовъ; всѣ они были съ бѣлыми головами. Тогда Кейкуватъ пригналъ этихъ верблюдовъ поближе къ себѣ и вымазалъ всѣмъ имъ головы кровью своего убитаго быка. Въ это время подошелъ одинъ человѣкъ и спросилъ Кейкувата:

— Не видалъ-ли моихъ девять бѣлоголовыхъ верблюдовъ?

— Бѣлоголовыхъ твоихъ верблюдовъ не видалъ, но самъ я имѣю девять красноголовыхъ верблюдовъ,—сказалъ Кейкуватъ.

Пришедшій человѣкъ, не признавъ своихъ верблюдовъ, ушелъ обратно. Какъ только онъ ушелъ, Кейкуватъ навьючилъ мясо своего быка на верблюда и всѣхъ девять верблюдовъ пригналъ домой. Когда онъ вернулся домой, къ нему пришли восемь паршивыхъ и спросили:

— Откуда ты взялъ этихъ верблюдовъ?

Тогда Кейкуватъ сказалъ: «Если каждый изъ васъ зарѣжетъ по одному быку и будетъ молить Бога о ниспосланіи себѣ верблюдовъ, то дастъ Богъ».

Послѣ того восемь паршивыхъ зарѣзали своихъ быковъ и стали молить Бога, но Богъ совсѣмъ не далъ имъ верблюдовъ.

Опечалились восемь паршивыхъ и порѣшили, что они убьютъ Кейкувата.

¹⁾ Такъ звали одного изъ паршивыхъ.

Узнавъ объ этомъ, Кейкуватъ уложилъ на свою постель мать, а самъ ушелъ въ степь. Пришли ночью восемь паршивыхъ и, принявъ спящую за Кейкувата, убили мать его и ушли.

На разсвѣтъ паршивый Кейкуватъ, найдя свою мать убитой, привелъ одного верблюда, посадилъ на него мать свою, какъ живого человека, и связалъ ей ноги, чтобы не упала. Въ такомъ положеніи онъ привезъ ее въ одинъ городъ.

Здѣсь обступили верблюда дѣти сартовъ и стали тыкать его. Кейкуватъ говоритъ: — Мой верблюдъ строптивый, не тычьте его, иначе онъ сброситъ мать мою и убьетъ. Но дѣти не послушались и продолжали тыкать верблюда. Верблюдъ началъ блажить и, подпрыгнувъ, сбросилъ мать Кейкувата на землю.

Тогда Кейкуватъ, приговаривая: «О, мать моя, о, мать моя, убили», — схватилъ мальчишекъ и сталъ требовать «кунь» за убитую мать. На улицѣ сбѣжался народъ, пришли и родители дѣтей. — Мы дадимъ тебѣ въ кунь одну дѣвицу, — сказали они.

Паршивый Кейкуватъ согласился на это предложеніе, посадилъ дѣвицу на верблюда и привезъ къ себѣ въ аулъ. Пришли помянутые восемь паршивыхъ и спросили Кейкувата, откуда онъ досталъ дѣвицу. На это Кейкуватъ сказалъ: — Если вы, убивъ вашихъ матерей, привезете ихъ на базаръ и будете кричать: — «Кто мнѣ за мертвую мать дастъ живую дѣвицу», вамъ дадутъ по одной дѣвицѣ. — Повѣривъ этимъ словамъ, восемь паршивыхъ убили своихъ матерей и повезли на базаръ.

— Нѣтъ ли такихъ людей, которые бы за мертвыхъ нашихъ матерей дали намъ живыхъ дѣвицъ? — кричали восемь паршивыхъ. Но собравшійся народъ, говоря: «прочъ, паршивые», прогналъ ихъ съ базара.

Возвратившись домой, восемь паршивыхъ порѣшили убить Кейкувата. Увидя его издали, они погнались за нимъ, но Кейкуватъ далеко оставилъ ихъ за собою.

Продолжая бѣжать, Кейкуватъ наткнулся на одного паршиваго пастуха, пасшаго барановъ.

— Отъ кого ты убѣгаешь? — спросилъ его пастухъ.

— А вотъ тѣ, что за мной гонятся, хотятъ избрать меня въ ханы, но я не хочу и убѣгаю отъ нихъ, — сказалъ Кейкуватъ.

Тогда паршивый пастухъ сказалъ: — Я желаю быть ханомъ, отдай мнѣ свое платье, а самъ паси моихъ барановъ.

Одѣвшись въ платье Кейкувата, паршивый пастухъ отбѣжалъ полверсты и остановился у берега Дарьи. Вслѣдъ за этимъ прибѣжали туда и восемь паршивыхъ. Признавъ въ паршивомъ пастухѣ Кейкувата, восемь паршивыхъ наложили ему за пазуху камней и бросили въ Дарью, а сами вернулись домой.

Когда насталъ вечеръ, Кейкуватъ пригналъ барановъ, принадлежащихъ паршивому пастуху, домой. Пришли къ нему восемь паршивыхъ и спрашиваютъ, какъ онъ выбрался изъ Дарьи и откуда взялъ барановъ.

— Я досталъ ихъ со дна Дарьи и пригналъ домой, — отвѣтилъ Кейкуватъ.

— А что, на днѣ Дарьи много барановъ? Добудемъ ли и мы, если отправимся туда?—спросили восемь паршивыхъ.

Кейкувать привелъ паршивыхъ къ Дарьѣ и сказалъ:—Вы достанете со дна Дарьи много барановъ, но только наложите за пазуху и въ штаны побольше камней.

Тутъ всѣ паршивые нагрузились камнями, и, когда все было готово, Кейкувать, давъ одному изъ паршивыхъ длинную палку, спустилъ его въ Дарью. Паршивый пошелъ ко дну, а палка выплыла наружу.

— Вотъ видите, палка вынырнула обратно. Это значитъ—онъ не можетъ справиться съ баранами, зоветь васъ,—сказалъ Кейкувать.

Повѣривъ словамъ Кейкувата, всѣ паршивые бросились въ воду и тамъ погибли.

Оказывается, продѣлки Кейкувата были извѣстны уже Шайтану.

— О, Кейкувать, какимъ образомъ ты надуваешь людей?—спросилъ Шайтанъ.

— Я еще пока никого не надулъ,—отвѣтилъ Кейкувать.

— А можешь надуть меня?—приставалъ Шайтанъ.

Въ то время, когда Кейкувать разговаривалъ съ Шайтаномъ, между ними стоялъ кетмень ¹⁾ ручкой кверху. Кейкувать надавилъ желѣзную часть кетменя ногой и взялъ его въ руки.

— Вотъ, видишь, нажавъ кетмень ногою, я взялъ его въ руки,—сказалъ Кейкувать.

Шайтанъ, говоря:—А я не могу такъ сдѣлать, — съ такою силою наступилъ на лезвіе кетменя, что расшибъ себѣ лобъ чернемъ кетменя. Пошлаась кровь съ головы Шайтана, а Кейкувать воскликнулъ: «А, вотъ и тебя надулъ!»

Сказка эта записана лично мною, по-киргизски, со словъ киргиза Ташкенскаго уѣзда, Джитысуйской волости, Сартбая Джитыбаева.

II.

Въ древнія времена былъ одинъ царь, у него былъ мудрый визирь. Стучилось такъ, что жена визиря и жена царя разрѣшились отъ бремени въ одинъ день сыновьями.

Царь и визирь, желая, чтобы ихъ сыновья были молочными братьями, перемѣнялись дѣтьми, такъ что сына царя вскормила жена визиря, а сына визиря—жена царя.

Когда сынъ царя достигъ совершеннолѣтія, мать его скончалась. Поэтому царь женился на молодой женѣ.

Молодая царица очень сокрушалась возрастомъ супруга и, находя его старымъ для себя, не питала къ нему никакой любви.

Видя предъ собою ежедневно молодого человѣка, т. е. своего пасынка, красиваго и статнаго собою, она горячо влюбилась въ него и не могла подыскать случая объясниться съ нимъ въ своихъ чувствахъ.

1) Желѣзный заступъ, мѣстнаго типа.

Въ одинъ изъ дней царскій сынъ съ сыномъ визиря забавлялись пусканіемъ стрѣлъ. И вотъ, стрѣла, пущенная сыномъ царя, упала во дворъ дворца, гдѣ пребывала его мачеха.

Тогда царскій сынъ сталъ просить сына визиря принести ему стрѣлу. Находя такое порученіе царскаго сына для себя неудобнымъ, онъ отвѣтилъ ему, что просьбы его исполнить не можетъ, такъ какъ они теперь одинаковы между собою. Другое дѣло, когда онъ будетъ царемъ, тогда можетъ казнить и миловать.

Сообразивъ, что сынъ визиря не пойдетъ за стрѣлой, царскій сынъ поневолѣ отправился самъ. Приходить онъ туда, а мачеха держитъ стрѣлу въ рукахъ.

Какъ только она увидѣла пасынка, тотчасъ же, схвативъ его за руки, задыхающимся голосомъ сказала:—Отецъ твой старъ, а я молода, слѣдовательно ему не пара. Я люблю тебя всѣмъ тѣломъ и душою, полюби меня, дорогой! Отъ печали любви я потеряла аппетитъ, сонъ и всякое веселье. А передать тебѣ свои чувства я не рѣшалась. Я изыщу такія средства, что отецъ твой помретъ, а ты будешь царемъ,—заключила она. Какъ ни умоляла мачеха, но пасынокъ не согласился на ея предложеніе и, едва вырвавшись изъ объятій ея, убѣжалъ.

Убѣдившись, что пасынокъ не идетъ въ ея сѣти, она рѣшилась отомстить ему жестоко.

Разбивъ себѣ кулакомъ носъ и вымазавъ все лицо кровью, она прибѣжала къ царю въ то время, когда онъ, въ присутствіи всѣхъ своихъ визирей, возсѣдалъ на тронѣ, и стала голосить:—Сынъ твой, безбожникъ, ворвавшись въ мои покои, сталъ кричать, что онъ убьетъ тебя, сдѣлается царемъ и женится на мнѣ. Когда я сказала, что такого вѣроломства не потерпитъ ни одна религія, онъ набросился на меня, сталъ наносить побои и намѣревался изнасиловать меня, но я, освободившись, прибѣжала къ тебѣ.

Выслушавъ рыданія царицы, царь пришелъ въ такой жестокой гнѣвъ, что тотчасъ же повелѣлъ повѣсить сына.

Стражники бросились отыскивать царскаго сына...

Мудрый визирь задумался.

«Ужь не продѣлки ли это молодой царицы? Чего добраго, можетъ она увлеклась своимъ пасынкомъ и клевететь на него. Нѣтъ, надо спасти царскаго сына и узнать отъ него истину», продолжалъ размышлять мудрый визирь и пришелъ домой.

Приѣхавъ домой, визирь засталъ царскаго сына у себя и, узнавъ отъ него коварный умыселъ царицы, предпринялъ мѣры къ спасенію царевича.

— Теперь царь настолько гнѣвенъ, что увѣрить его въ противномъ невозможно. Есть поговорка, что «царскій гнѣвъ проходитъ въ сорокъ дней или въ три мѣсяца». Такъ вотъ, пока надо спасать голову,—сказалъ умный визирь и, посадивъ царевича съ своимъ сыномъ на лучшихъ лошадей, давъ имъ по кречету и по мѣшку серебра и зо-

лота, выпроводилъ ихъ потихоньку изъ города, предупредивъ, чтобы они черезъ три года навѣдались домой.

Такъ отправились два молодыхъ человѣка.

Послѣ многихъ дней въ пути, они выбрались въ безводную пустыню. Царевичъ изнемогалъ отъ сильной жажды и не могъ далѣе продолжать путь. Видя его безысходное положеніе, сынъ визиря привезъ царевича подъ тѣнь одного высокаго обрыва, уложилъ его здѣсь, оставилъ при немъ двухъ кречетовъ, а самъ ушелъ искать воду.

Продолжая лежать подъ обрывомъ, царевичъ замѣтилъ, какъ сверху обрыва стала по каплѣ падать вода. Онъ немедленно соскочилъ съ мѣста, досталъ изъ курджуна золотую чашку и поставилъ ее въ то самое мѣсто, куда капала вода.

Когда чашка наполнилась, царевичъ взялъ ее въ руки и намѣревался уже выпить, какъ кречеть встрепенулся и вышибъ изъ рукъ царевича чашку; вода разлилась, и царевичъ не могъ утолить жажду. Разгнѣванный этимъ обстоятельствомъ, онъ схватилъ кречета и оторвалъ ему голову.

Царевичъ опять поставилъ чашку на мѣсто и сталъ томительно ожидать ея наполненія. Спустя долгое время, чашка, наконецъ, опять наполнилась. Царевичъ съ жадностью приготовился пить, но ему не суждено было напиться. Онъ и не замѣтилъ, какъ оставшійся кречеть ударомъ крыла разлилъ у него воду. Этого кречета постигла та же участь, какъ и перваго.

Когда третья чашка уже наполнилась и царевичъ собрался пить, онъ услышалъ предупредительный голосъ сына визиря, пришедшаго съ водой.

Напоивъ царевича свѣжей водой, сынъ визиря объяснилъ ему, что капавшая сверху жидкость была не вода, а ядъ издохшаго и разложившагося наверху змѣи-удава. «Васъ Богъ спасъ», заключилъ онъ.

— Какъ жаль мнѣ этихъ кречетовъ. Оказывается, они мнѣ желали добра,—воскликнулъ въ отчаяніи царевичъ.

— Ну, дружокъ, кречеты васъ спасли отъ смерти, теперь поѣдемъ. Я отыскалъ огромную рѣчку, видѣлъ много слѣдовъ разныхъ животныхъ, надо полагать, что тамъ живутъ люди,—сказалъ сынъ визиря и повезъ царевича къ указанному имъ мѣсту.

Пріѣхавъ, они расположились на берегу чудной рѣчки, утолили свою жажду, высули съѣстное и стали закусывать.

Блаженствуя такимъ образомъ, они увидѣли вдругъ посреди рѣчки плывущую мѣдную лодку. Въ лодкѣ этой сидѣли 41 дѣвица, всѣ онѣ пѣли пѣсни и играли на трубахъ.

Между плывущими дѣвицами выдѣлялась одна. Она поражала своею красотой и напоминала чуднаго попугая, сидящаго въ драгоценной клеткѣ. Замѣтивъ царевича, она взяла въ руки золотую чашку, наполнила ее водой и воткнула въ края этой чашки два прутика. Затѣмъ, выцувъ изъ кармана золотой гребешокъ, провела по головѣ три раза. Такъ проплыла мимо молодыхъ людей мѣдная лодка.

— Что это за дѣвицы? И что хотѣла сказать та изъ нихъ, которая, почерпнувъ въ чашку воды, воткнула въ края чашки два прутика и три раза провела гребнемъ по головѣ? — спросилъ сынъ визиря у царевича.

— Все это я хотя и видѣлъ, но ничего не понялъ, — отвѣтилъ царевичъ.

— А я все понялъ — сказалъ сынъ визиря. — Та изъ сидящихъ въ лодкѣ, которая взяла въ руки чашку, — это дочь царя, а остальные сорокъ дѣвицъ, — ея служанки.

— Царевна, увидѣвши васъ, признала въ васъ царевича и, будучи не въ силахъ скрыть своего къ вамъ неравнодушія, стала продѣлывать то, что вы уже видѣли.

— Взявъ въ руки золотую чашку, наполненную водою, царевна этимъ дала вамъ понять, что она имѣетъ огромный прудъ, а два прутика означаютъ два дерева, растущихъ на берегу пруда. Проведя три раза по головѣ гребенкой, она этимъ самымъ сказала, что будетъ васъ ждать у пруда три дня.

— Теперь мы немедля должны туда ѣхать. Если Богу будетъ угодно, я васъ женою на этой самой царевнѣ, — сказалъ сынъ визиря и они, сѣвъ на лошадей, поѣхали вслѣдъ за дѣвицами.

Продолжая ѣхать, они увидали высокій минаретъ и направили туда своихъ лошадей.

На окраинѣ города они остановились у одной старухи. — О, мать наша, мы будемъ служить тебѣ какъ родные сыновья, только скажите намъ, гдѣ здѣсь находится прудъ царевны? — спросили два молодыхъ человѣка.

— О, дѣти мои, прудъ царевны находится вонъ между тѣми виднѣющимися двумя деревьями. Она туда пріѣзжаетъ въ недѣлю разъ въ обществѣ своихъ дѣвицъ, гдѣ веселится, качаясь на качеляхъ, — сказала старуха.

Какъ только насталъ вечеръ, сынъ визиря привезъ царевича къ пруду царевны, постлалъ ему постель и предупредилъ, чтобы онъ не спалъ, ибо-де въ полночь посѣтитъ его царевна.

Оставивъ у пруда царевича, сынъ визиря вернулся въ домъ старухи.

Изнуренный большими переѣздами, царевичъ, какъ только уѣхалъ сынъ визиря, заснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Еще и полночи не настало, какъ царевна предстала у ложа царевича. Смотритъ, а царевичъ спитъ. Находясь въ нерѣшимости, она посидѣла у изголовья царевича нѣкоторое время, потомъ встала, прошла въ опять сѣла. Убѣдившись, что на пробужденіе царевича никакой надежды нѣтъ, — а сама она находила для себя не приличнымъ разбудить его, — положила ему за пазуху одно яблоко и скрылась въ темнотѣ ночи.

Проснувшись только утромъ, царевичъ былъ ужасно опечаленъ тѣмъ, что проспалъ, и сидѣлъ очень грустный.

— Какъ тебѣ не стыдно, ты пожалѣлъ отъ меня убогую хижину

старухи, бросилъ меня и уѣхалъ. Царевны здѣсь никакой не было. Такъ друзья-товарищи не поступаютъ,—молвилъ царевичъ, когда пріѣхалъ на утро сынъ визиря.

— Я увѣренъ, что царевна *сдержала* свое слово и посѣтила прудъ, но, найдя васъ спящимъ, уѣхала съ грустью. Развяжите вашъ кушакъ, она, навѣрное, оставила по себѣ какой либо слѣдъ, возразилъ сынъ визиря.

Когда царевичъ сталъ развязывать кушакъ, изъ пазухи выкатилось яблоко. Тутъ онъ убѣдился, что царевна была у него.

Насталъ вечеръ. Сынъ визиря опять уложилъ царевича въ постель и самъ уѣхалъ домой.

Не выдержалъ царевичъ, онъ заснулъ и на этотъ разъ. Пріѣхала дѣвица-царевна; сморгнуть—царевичъ спитъ. Она снова положила ему въ пазуху яблоко и опять уѣхала ни съ чѣмъ.

На утро пріѣзжаетъ сынъ визиря и застаётъ царевича—мрачнымъ и сердитымъ.

Замѣтивъ гнѣвъ его, онъ предложилъ ему снять кушакъ. Какъ только онъ снялъ кушакъ, изъ пазухи выкатилось яблоко.

— Такъ смотрите-жь, сегодня опять не проспите, иначе царевна болѣе не пріѣдетъ, вѣдь, нынѣ послѣдній срокъ. А вотъ, чтобы вы не спали, я вамъ надрѣжу ножичкомъ мизинецъ и наложу опія, чтобы вамъ было не до сна.

Когда пріѣдетъ царевна и сядетъ, по обыкновенію, у вашихъ ногъ и, положивъ вамъ за пазуху яблоко, соберется уходить, вы ухватите ее за полу и скажите: — О, прекрасная царевна, вы такъ сердобольны, что, зная, что я путешественникъ угощали меня яблоками, чтобы я не проголодался. Благодарю васъ за это добро. Почитая ваше высокое положеніе, я до сего времени притворялся спящимъ, полагая что вы сами предпримете что нибудь. Ухвативъ сегодня за полу вашего платья, я поступилъ неприлично, но долженъ былъ это сдѣлать—по необходимости, такъ какъ нынѣ истекалъ трехдневный срокъ, назначенный вами.

Услышавъ отъ васъ такія слова, царевна сконфузится и, улыбаясь, останется при васъ,—сказалъ сынъ визиря и уѣхалъ домой.

Дождаясь не смыкая очей, царевичъ замѣтилъ приближающуюся царевну и притворился спящимъ.

Приблизясь къ царевичу, дѣвица-царевна окинула его любовнымъ взглядомъ, походила вокругъ него, а затѣмъ осторожно стала вкладывать ему за пазуху яблоко.

Въ это время царевичъ ухватилъ ее за полу и сталъ говорить ей то, чему научилъ его сынъ визиря.

Сконфуженная царевна ярко покраснѣла и извинилась предъ царевичемъ за свою шутку съ яблоками.

Молодые люди были въ восхищеніи другъ отъ друга, цѣлую ночь предавались упоенію любви и не замѣтили, какъ проспали до поздняго утра.

Обѣзжая городъ, царскіе стражники, на бѣду свою, наткнулись на царевну, лежащую съ молодымъ чловѣкомъ.

Они не медленно доложили царю о случившемся. Царь пришелъ въ такой гнѣвъ, что приказалъ схватить ихъ, арестовать, а въ полдень казнить, когда соберется народъ.

Такъ увезли стражники молодыхъ людей.

Пріѣзжаетъ сынъ визиря и не застаётъ царевича.

— Тутъ что-то не ладно, — подумалъ онъ и направился въ городъ. Пріѣзжаетъ туда, а тамъ весь народъ шумитъ и рассказываетъ, что царевна поймана съ какимъ-то молодымъ парнемъ, и что царь, въ гнѣвъ, повелѣлъ казнить царевну и того молодого парня, съ которыми ее застали.

Убѣдившись въ угрожавшей царевичу опасности, сынъ визиря не растерялся, онъ тотчасъ же отправился на базаръ, купилъ тамъ большую женскую косу, щегольское женское платье и, вырядившись въ нихъ, превратился въ 16-лѣтнюю хорошенькую дѣвицу.

Отыскавъ арестованныхъ молодыхъ, онъ убѣдился, что проникнуть къ нимъ нельзя, такъ какъ домъ былъ окруженъ карауломъ.

Подойдя въ своемъ женскомъ одѣяніи къ стражникамъ, сынъ визиря произнесъ: — У меня есть къ вамъ большая просьба. Я слышала, что царь, разгнѣванный на царевну, рѣшилъ предать ее казни. Слѣдовательно, она должна перейти въ лучшей міръ. Между тѣмъ, я дала ей на сохраненіе одно—золотое кольцо. Опасаясь, чтобы она на томъ свѣтѣ не осталась у меня въ долгу, я должна вернуть себѣ это кольцо, — сказалъ сынъ визиря, жалобно умоляя.

Затѣмъ, давъ стражникамъ золотыхъ монетъ, онъ проникъ къ узникамъ.

— О, царевна, вы можете выйти отсюда совершенно свободно, но лишь по выходѣ должны показать стражникамъ свое кольцо, надѣтое на вашу руку. Когда стражники васъ спросятъ:—« что, получили,» — вы, отвѣтивъ, «да» — продолжайте уходить и, такимъ образомъ, вы совсемъ благополучно доберетесь до дому. А здѣсь я все устрою самъ, — сказалъ сынъ визиря и выпроводилъ царевну изъ заключенія.

Итакъ, царевна благополучно очутилась дома. По уходѣ ея, сынъ визиря одѣлъ царевича въ свое женское платье, и онъ такъ сталъ походить на царевну, что нельзя было отличить его отъ нея.

Вдругъ заходятъ къ нимъ стражники и требуютъ ихъ по царскому велѣнію идти на висѣлицу. Тогда сынъ визиря говоритъ имъ, что они имѣютъ просьбу къ царю, а потому проситъ отвести ихъ къ нему.

Приводятъ къ царю.

— Говорите вашу просьбу, — сказалъ царь.

Сынъ визиря началъ такъ:— О, государь, я сынъ такого-то хана. Въ одинъ изъ дней на наши владѣнія въ ночное время напалъ неприятель. Мы должны были спастись бѣгствомъ, и вотъ очутились въ вашихъ владѣніяхъ. Вотъ эта дѣвица моя родная сестра, она боится одна спать и я кладу ее съ собою. Подѣхавъ къ городу ночью, мы

не могли попасть въ городъ и вынуждены были остаться за городомъ на ночлегъ, на берегу пруда. Но стражники ваши схватили насъ и привели сюда помимо нашей воли,—сказалъ сынъ визиря.

Выслушавъ слова сына визиря, царь обратилъ свой взоръ на сестру его и пришелъ въ изумленіе, найдя въ ней поразительное сходство съ своей дочерью.

Тогда царь немедленно отправился въ свой дворецъ, чтобы убѣдиться, дома ли царевна. Пріѣзжаетъ и застаётъ дочь спящей на золотомъ тронѣ.

Увидѣвъ это, царь пришелъ въ такой гнѣвъ, что приказалъ немедленно казнить тѣхъ стражниковъ, которые изловили совершенно постороннюю дѣвицу, принявъ ее за царевну и тѣмъ глубоко оскорбивъ царскую дочь въ глазахъ народа.

Послѣ того царь принялъ сына визиря къ себѣ на службу, а сестру его отправилъ во дворецъ, дабы она тамъ жила съ царевной.

Сынъ визиря въ короткое время заслужилъ расположеніе царя и добился того, что въ скоромъ времени былъ назначенъ царскимъ vizиремъ.

Въ одинъ изъ дней сынъ визиря послалъ втихомолку за своею сестрою челоуѣка, чтобы она пришла къ нему.

— Завтра съ царемъ я выѣжаю на охоту. Въ такомъ-то мѣстѣ я приготовлю тебѣ платье и лошадей. Ты одѣнься въ него и поджидай насъ. Какъ только мы подѣдемъ, слѣзь съ лошади и заяви царю на меня просьбу, говоря, что я тебѣ долженъ. Если царь скажетъ: «я заплачу его долгъ», ты на это не соглашайся и скажи ему, что ты, кромѣ долга имущественнаго, имѣешь получить съ меня «долгъ чести». Тогда царь скажетъ: «Возьми его сестру»—ты на это не соглашайся. Но когда царь скажетъ:—Возьми и мою дочь въ придачу,—тогда, конечно, изъяви согласіе, поблагодари царя,—закончилъ сынъ визиря и отослалъ свою мнимую сестру домой.

На другой день съ разсвѣтомъ, сынъ визиря съ царемъ выѣхали на охоту. Какъ разъ на указанномъ мѣстѣ ихъ встрѣтилъ царевичъ и заявилъ жалобу царю на сына визиря, точь въ точь такъ, какъ его научилъ сынъ визиря.

— Получи съ меня слѣдующій съ него долгъ,—сказалъ царь царевичу, но онъ не согласился.

— Въ такомъ случаѣ возьми его сестру,—продолжалъ царь, но царевичъ тоже не согласился.

— Какъ видно, ты несговорчивый.. Возьми ужъ въ придачу и мою дочь,—закончилъ царь.

Царевичъ пришелъ въ восторгъ отъ предложенія царя и горячо благодарилъ его за милость.

По возвращеніи съ охоты, царь въ теченіе сорока дней устраивалъ празднества, а затѣмъ, позвалъ къ себѣ сына визиря, приказалъ ему, чтобы онъ отдалъ за царевича свою сестру, предупредивъ при этомъ, что и онъ отдастъ за него дочь свою царевну.

— О, мой государь, соедините вы сперва царевну съ царевичемъ, пусть она будетъ его старшей супругой, а потомъ и я отдамъ за него свою сестру, — сказала сынъ визиря.

Предложеніе сына визиря очень понравилось царю, и онъ тотчасъ же обвинчалъ царевну съ царевичемъ

— Ну, что-жь ты не выдаешь сестру свою за царевича, — спросилъ царь сына визиря.

— О, мой господинъ, если вы откажетесь отъ одной ложки моей крови, я имѣю сказать вамъ просьбу, — произнесъ, вставая съ мѣста и принявъ почтительную позу, сынъ визиря.

— Говори, я слушаю, — произнесъ царь.

Тогда сынъ визиря во всѣхъ подробностяхъ доложилъ царю всѣ обстоятельства дѣла вплоть до сегодняшняго дня.

Слушая повѣствованіе сына визиря, царь поражался его недюжиннымъ умомъ, уваженіе и любовь къ нему все болѣе возрастала и, наконецъ, онъ, не выдержавъ, воскликнулъ: — Молодецъ-же ты, братъ!

Будучи безконечно доволенъ сыномъ визиря, царь съ богатыми дарами проводилъ дочь свою съ царевичемъ домой къ послѣдному.

Возвратясь домой, царевичъ узналъ, что отецъ его, провѣдавъ о подробностяхъ своей супруги, тяжело убивался по сынъ своему, царевичѣ.

Восторгамъ царя не было конца, когда онъ увидѣлъ своего сына возвратившимся благополучно домой. Царь созвалъ свой народъ, устраивалъ для нихъ каждый день праздника и разные увеселенія. Наконецъ, все закончилось тѣмъ, что царь посадилъ, вмѣсто себя на тронъ, сына своего, самъ отправился на покой, а вѣроломную супругу повелѣлъ казнить.

Возсѣвъ на отцовскій тронъ, царевичъ вспомнилъ своего молочнаго брата и, вызвавъ его къ себѣ, назначилъ своимъ первымъ визиремъ.

Переведено съ рукописи киргиза Перовскаго уѣзда, Омара Кутебарова.

III.

Въ древнія времена жилъ одинъ богачъ, который, не имѣя дѣтей, проливалъ горькія слезы и горячо молилъ Всевышняго о ниспосланіи ему дѣтища. Богъ внялъ его слезамъ и далъ ему сразу сына и дочь, т.-е. двойню.

Чтобы насладиться своими дѣтьми, богачъ много лѣтъ прожилъ въ кругу семьи, никуда не выѣзжая по дѣламъ. Наконецъ, въ одинъ изъ дней ему представилось выѣхать по торговымъ дѣламъ съ караваномъ въ дальній путь. Задумался богачъ, какъ ему быть съ дѣтьми. И рѣшилъ онъ сына взять съ собою, а дочь оставить у своего наставника ишана.

Приходить онъ къ ишану и говорить: — О, мой духовный отецъ, я ѣду въ длинный путь, не могу ли я оставить свою чистую и непорочную дочь у васъ, дабы она могла прожить до моего возвращенія вмѣстѣ нъ вашими дочерьми, — сталъ просить богачъ ишана.

— «Очень хорошо, она будетъ жить съ моими дочерьми», — согласился ишанъ.

Дочь богача была настолько красива собой, что никто не брался описать ея паружность. Всѣ видѣвшіе ее говорили, что это не человѣческой отпрыскъ, а что она произошла отъ прекрасной «пері».

Итакъ, успокоившись и ничего не подозрѣвая дурного, богачъ выѣхалъ въ дальній путь.

Въ одинъ изъ дней въ душу ишана вселился шайтанъ и сталъ его искушать, чтобы онъ воспользовался довѣренной ему богачомъ дѣвушкой.

Сдѣлалъ шайтанъ свое дѣло. Ишанъ увлекся дѣвушкой.

Однажды онъ позвалъ къ себѣ дѣвушку и, прося ее, чтобы она принесла ему воды для омовенія, сталъ объяснять ей свои къ ней чувства.

Видя, что избавиться отъ ишана невозможно, она застѣнчиво сказала ему, чтобы онъ прежде совершилъ омовеніе и сотворилъ намазъ (молитву).

Пока ишанъ творилъ намазъ, несчастная дѣвушка возсылала къ Богу молитвы, горько жалуясь на свою судьбу. Вдругъ ее осынила счастливая мысль. Она въ рукахъ держала мѣдный ругомойникъ. Размахнулась и ударила имъ по головѣ молящагося ишана. Отъ сильного удара ишанъ упалъ безъ чувствъ. Видя это, дѣвица немедленно оставила домъ ишана и прибѣжала къ матери.

Когда ишанъ пришелъ въ себя, онъ крѣпко задумался. «Вѣдь если несносная эта дѣвчонка начнетъ рассказывать о случившемся, она совсѣмъ опозоритъ и обезславитъ меня. Надо постараться добиться ея смерти», размышлялъ онъ.

Въ одинъ изъ дней прошелъ слухъ, что возвращается караванъ богача. Заслышавъ это, ишанъ со своими юродивыми выѣхалъ къ богачу навстрѣчу. Богачъ, завидя издали своего наставника-ишана, приказалъ своимъ людямъ разостлать подъ ноги его ковровую полосу, встрѣтилъ его съ большимъ почетомъ, снялъ бережно съ лошади и осыпалъ подарками. Потомъ сталъ расспрашивать ишана о благополучіи семьи своей.

— Да, дочь ваша, которую вы оставили у меня, оказалась очень дурной и распутной. Если вы желаете оставаться моимъ послѣдователемъ, то должны, не видясь съ нею, приказать умертвить ее. Она сбѣжала изъ моей семьи къ себѣ домой, — сказалъ ишанъ.

Взбѣшенный богачъ воеликнулъ: «О, я просилъ у Создателя непорочное и чистое дитя, а такую поганую мнѣ вовсе не пужно».

Произнеся это, богачъ прямо со стени отправилъ сына своего домой, поручивъ ему убить свою сестру, а въ доказательство привезти ему окровавленное платье ея. Въ противномъ же случаѣ, не велѣлъ показываться и на глаза.

Несчастный сынъ поскакалъ домой, чтобы исполнить порученіе родителя. Подѣхавъ къ дому, онъ, не слѣзая съ лошади, сталъ звать сестру по имени. Когда онъ увидѣлъ выскочившую къ нему сестру,

сердце его разстроилось, онъ зарыдалъ и, сказавъ: Подсаживайся, сестра, сяди на мою лошадь,—увезъ ее въ степь.

У него не хватило ни силы, ни воли, чтобы поднять руки на сестру, и онъ, ссадивъ ее съ лошади, разсказалъ волю отца и, заливаясь слезами, бросилъ ее въ степи, пожелавъ ей благополучія. Потомъ, испачкавъ платье сестры въ крови зарѣзаннаго ягненка, привезъ и показалъ отцу.

Увидя это, ишанъ остался очень доволенъ.

Теперь послушайте вѣсти о положеніи несчастной дѣвушки. Спасаясь отъ смерти, она избрала дорогу въ три мѣсяца пути.

Вотъ однажды, когда несчастная блуждала по степи, на нее наѣхали слуги охотившагося царя. Увидѣвъ дѣвушку, они были поражены ея красотой. Тотчасъ же доложили объ этомъ царю и сказали, что видѣнная ими дѣвица скорѣе всего дочь пери, потому что отъ человѣка не можетъ произойти такая красавица.

Когда царь взглянулъ на дѣвушку, онъ обомлѣлъ отъ ея красоты и впалъ въ безсознаніе. Но когда пришелъ въ себя, онъ повезъ ее въ городъ и тамъ обвѣнчался съ нею, устроивъ большія празднества по случаю свадьбы.

Съ этой прекрасной дѣвицей царь прижилъ двухъ сыновей.

Царь очень часто отлучался на охоту. Въ это время жена его плакала безъ устали. Она сильно тосковала по родителямъ и по братѣ. А злые люди толковали по-своему. Они говорили, что царица скучаетъ по своему возлюбленному и что царя она вовсе не любитъ.

Въ одинъ изъ дней вѣсти эти дошли до самого царя.

Чтобы испытать жену, какъ-то утромъ царь выѣхалъ на охоту. Проездивъ немного, онъ вернулся домой и засталъ ее въ горькихъ слезахъ.

Когда царь, повѣривъ словамъ злыхъ людей, выдернулъ шашку, чтобы убить жену, она сказала, что имѣть къ нему просьбу.

— Говори,—произнесъ царь.

— О, государь, я уже мать двухъ дѣтей. И вы до сего времени не спросили меня, кто я такая, откуда, есть ли у меня родные. Неужели вы думаете, что я не человѣкъ, а пери, спустившаяся съ неба. Какъ же мнѣ послѣ того не плакать, когда я забыта всѣми,—сказала царица, задыхаясь слезами.

Выслушавъ жалобы жены, царь велѣлъ ей разсказать все ея прошлое, не пропуская ничего.

Царица, заливаясь слезами, все подробно передала мужу о своемъ горѣ.

Растроганный царь бросилъ шашку въ сторону и сказалъ: — О, моя царица, я отпускаю тебя въ родительскій домъ для свиданія.

Услышавъ эти милостивыя слова изъ устъ мужа, царица зарыдала слезами радости.

Послѣ того царь, собравъ всѣхъ мастеровъ въ городъ, заказалъ имъ золотую арбу съ устроенной на ней юртой.

Когда все было готово, царь посадил туда жену съ дѣтьми, заперъ юрту на ключъ и, назначивъ одного визиря при сорока джигитахъ, отправилъ царицу на свиданіе съ родителями и ключъ отъ юрты отдалъ визирю.

Когда прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ въ дорогѣ, шайтанъ вселился въ душу визиря. И вотъ ночью, когда все джигиты заснули, визирь забрался къ царицѣ и сталъ высказываться въ любви. Но царица отвергла его чувства.

Тогда визирь сталъ угрожать царицѣ, что если она не согласится исполнить его желаніе, онъ убьетъ ее вмѣстѣ съ сыновьями.

Но царица осталась непоколебима.

Визирь убилъ старшаго сына въ присутствіи царицы и, заперевъ юрту, вышелъ. На слѣдующій день онъ опять явился къ царицѣ и сталъ вновь приставать къ ней, но царица осталась непреклонной. Убивъ и младшаго сына, взбѣшенный визирь пригрозилъ царицѣ, что онъ и съ ней покончитъ завтра. Но царица была стойка и не поддавалась угрозамъ. Ей покровительствовалъ самъ Всевышній.

Велико могущество Бога... По уходѣ визиря запертыя на замокъ двери сами по себѣ растворились, и царица имѣла возможность бѣжать.

Пришелъ на другой день визирь, смотреть, а царицы нѣтъ. Что тутъ дѣлать. И порѣшилъ онъ ѣхать обратно къ царю. Пріѣхавъ и докладывавъ: — Жена твоя оказалась злой и развращенной женщиной, она убила своихъ двухъ сыновей и скрылась. И въ доказательство своихъ словъ визирь представилъ царю тѣла двухъ мальчиковъ.

Трудно описать гнѣвъ и печаль царя, когда онъ услышалъ изъ устъ своего визиря роковыя слова о гибели своихъ дѣтей.

Между тѣмъ несчастная царица, блуждая уже цѣлую недѣлю въ открытой степи, изнемогая отъ голода и усталости, близка была къ смерти. И вотъ въ такомъ положеніи она набрела на пастуховъ барановъ. Ихъ было одиннадцать человекъ.

Завидя красивую женщину, пастухи пришли въ необычайный восторгъ. Но недолго радовались они, потому что между ними пошла распря, кому обладать неизвѣстной красивой женщиной.

Видя свое опасное положеніе, она сказала пастухамъ: О, мужчины, не поступайте вы такъ. Къ чему вамъ заводить изъ-за меня споры. Я выйду за старшаго изъ васъ, а все остальные будете звать меня тетей. Увѣрю васъ, все вы будете «удовлетворены». А выйди я за младшаго изъ васъ, очучусь на положеніи снохи, и вы потеряете много.

И вотъ рѣшила она выйти за одного неуклюжаго и неловкаго стараго пастуха.

Чтобы сыграть свадьбу, пастухи зарѣзали одного жирнаго барана, сварили мясо, накрошили и пригласили свою случайную тетку къ обѣду.

Надо замѣтить, что царица имѣла при себѣ одно опьяняющее средство. Предъ тѣмъ, какъ сѣсть обѣдать, она незамѣтно всыпала въ

чашки пастуховъ порошокъ и, развлекая ихъ разговоромъ, приступила къ обѣду. Спустя нѣкоторе время пастухи все заснули крѣпкимъ сномъ. Пользуясь этимъ, царица убѣжала, а пастухи еще продолжали спать и на другой день.

Продолжая путь свой, царица, наконецъ, достигла своего родного города. Она встрѣтила здѣсь одного паршиваго мальчика, пасущаго телятъ, и стала разспрашивать его, чьи это телята. Когда узнала, что животныя принадлежать ей отцу, несчастная крѣпко задумалась.

Что тутъ дѣлать. Если вернуться домой, значитъ—братъ неминуемо долженъ погибнуть, а другого исхода нѣтъ. И вотъ она принялась играть съ мальчикомъ—пастухомъ. Въ это время у ней зародилась страшная мысль убить мальчика. Покончивъ съ несчастнымъ, она переодѣлась въ его платье и стала пасты телятъ.

Нужно сказать, что погибшій мальчикъ слылъ у своего хозяина за умнаго и проицательнаго малаго.

Теперь посмотримъ, что подблываетъ царь.

Онъ, узнавъ о положеніи дѣлъ, собрался ѣхать къ своему тестю, т. е. къ отцу жены своей.

Въ то время, какъ царь пользовался гостепріимствомъ тестя, туда подошли и одиннадцать пастуховъ, былъ тутъ и ишанъ и царскій визирь.

Въ то время, какъ гости изощрялись въ островахъ и разговорахъ, тесть царя началъ восхваляться, что у него есть такой мальчикъ—пастухъ, который можетъ удивить своимъ остроуміемъ всехъ.

Все заинтересовались юнымъ пастухомъ и попросили его позвать. Пришелъ пастушокъ и началъ отпускать разныя остроги. Его засыпали вопросами, и одинъ изъ присутствующихъ попросилъ разсказать какую-нибудь интересную сказку.

Пастушокъ окинулъ взоромъ всехъ находившихся тутъ гостей, а затѣмъ разсказалъ все подробно то, что было изложено въ настоящей сказкѣ.

Когда дѣло коснулось продѣлокъ ишана, онъ бросился было на пастушка, но хозяинъ удержалъ его. Далѣе, повелъ рѣчь мальчикъ относительно визиря. Разъярился сановникъ и уже хотѣлъ налетѣть на немошняго юношу, но его удержалъ царь.

Выслушавъ ужасный разсказъ, царь и его тесть разрыдались и въ порывѣ гнѣва, сверкая глазами, посматривали на ишана и визиря.

Доведя разсказъ свой до конца, мнимый пастушокъ неожиданно сбросилъ съ себя верхнюю одежду и покрывало съ лица. Передъ присутствующими стояла не кто иная, какъ рыдающая, несчастная, убитая тяжкимъ горемъ, царица.

Пораженные этимъ, царь и тесть его стояли, какъ вкопанные въ землю. Но это былъ одинъ мигъ. Они, какъ звѣри, кинулись на свои жертвы,—царь убилъ визиря, а тесть ишана.

Когда все успокоилось, была отпразднована новая свадьба на диво всему народу.

Итакъ, царь, въ восторгѣ и умиленіи отъ неожиданнаго счастья, уѣхалъ съ возлюбленной супругой домой.

Да, кто чистъ душою и тѣломъ, тотъ достигаетъ всегда цѣли.

Переведено съ рукописи киргиза Аудісатинскаго уѣзда, Биликульской волости, Беляшбая Бекназарова.

IV.

Въ прежнія времена жилъ одинъ бѣднякъ, у него была умная жена. Вотъ однажды она сидѣла и мылась въ банѣ, чесала себѣ голову и собиралась уже выходить, какъ въ это время пріѣхала жена бега царскихъ банъ и приказала выгнать ее изъ бани. Жена бѣдняка хотя и просила дать ей возможность причесать голову, но ее не послушались.

Нужно сказать, что жена бѣдняка была красавица. И вотъ, пріѣдя домой объявила мужу, что болѣе не будетъ его женою, если только онъ не станетъ бекомъ банъ.

Послѣ того несчастный бѣднякъ ушелъ странствовать и набрелъ на одну мечеть. Здѣсь онъ остался ночевать. Вдругъ ночью налетѣли съ неба въ мечеть «пери.» Испуганный бѣднякъ пригнулся циновкой. Въ это время пери вели такой разговоръ.

— Если бы человѣчество обладало умомъ, оно отправилось бы въ такое-то мѣсто, гдѣ существуетъ огромный дворецъ муравьевъ. Въ этомъ дворцѣ хранится масса золотыхъ тиллей, которые по временамъ вытаскиваются муравьями на солнце и раскладываются, а потомъ вновь вносятся во дворецъ. Отчего бы людямъ не воспользоваться ими,—разсуждали пери.

Поговоривъ такъ, пери улетѣли.

Узнавъ объ этомъ, бѣднякъ отправился къ дворцу муравьевъ и сѣлъ тамъ. И видитъ онъ, какъ муравьи вытаскиваютъ тилли. Подождавъ, какъ они повытаскали все, бѣднякъ замуrowалъ отверстіе муравейника, забралъ все золото и прибылъ, наконецъ, домой.

— О, жена, вотъ видишь какое мнѣ богатство послалъ Богъ. Теперь мы богаты,—сказалъ бѣднякъ своей женѣ, возвратясь домой.

— Хоть осыпь меня богатствомъ всего міра, а все-же жить съ тобою не буду,—сказала жена.

— Опечаленный бѣднякъ опять отправился скитаться. Блаудая по степи ночью, онъ споткнулся, да такъ сильно, что вышибъ себѣ оба глаза.

— Отправляюсь-ка я въ ту мечеть, вѣдь я встрѣтился тамъ со счастьемъ,—думалъ, бѣднякъ, и побрелъ туда.

Залегъ онъ тамъ подъ циновкой. Глядитъ—опять слетѣлись пери и говорятъ: Вѣдь вотъ, подумаешь, еслибы человѣкъ былъ съ разумомъ, онъ нашелъ бы тотъ родникъ, въ которомъ произрастаетъ цѣлебная трава отъ глазъ, а вода родника излѣчиваетъ пятнистую проказу.

Поговоривъ такъ, пери улетѣли.

Обрадованный бѣднякъ пошелъ нерѣшительными шагами къ роднику. Добравшись туда, онъ въ водѣ сталъ оцупывать траву. Найдя ее онъ обрадовался и сталъ торопливо натирать себѣ глаза, а вслѣдъ за этимъ и прозрѣлъ. Бѣднякъ въ восторгѣ благодарилъ Бога, а потомъ побѣжалъ къ женѣ и рассказалъ о случившемся.

Жена не раздѣлила его радости и сказала, что съ нимъ жить не будетъ.

Опечаленный бѣднякъ сѣлъ на ишака и поѣхалъ къ тому роднику, забравъ съ собою кожаный мѣшокъ. Придя къ роднику, онъ наполнилъ мѣшокъ водою и, сѣвъ на ишака, поѣхалъ въ степь лѣчить этою водою народъ.

Приѣхалъ онъ въ одинъ городъ, гдѣ пребывалъ царь. У этого царя была единственная дочь, которая страдала пятнистой проказой, а исцѣлить ее никто не могъ.

Тогда царь спрашиваетъ бѣдняка:—Чѣмъ ты занимаешься?

— Я занимаюсь врачеваніемъ,—отвѣтилъ бѣднякъ.—Даже могу лѣчить пятнистую проказу,—добавилъ онъ.

Тогда царь пригласилъ бѣдняка къ себѣ и, помѣстивъ дочь свою въ укромной комнатѣ, показалъ обнаженное тѣло ея бѣдняку.

— Ты уже видѣлъ обнаженное тѣло моей дочери, а поэтому, по шеріату, обязанъ жениться на ней, исцѣливъ ее,—сказалъ царь бѣдняку и тутъ-же обвинчалъ дочь съ нимъ.

И вотъ сталъ бѣднякъ ежедневно купать царскую дочь въ родниковой водѣ. Прошло короткое время, какъ дочь царя выздоровѣла со-всѣмъ.

— Ну, вотъ, по милости Бога, дочь ваша оправилась, и я, не имѣя съ ней сношеній, далъ ей разводъ, пусть же она будетъ отнынѣ моею загробной дочерью,—сказалъ бѣднякъ.

Тронуть былъ царь добросердечіемъ бѣдняка, богато отдалъ его и отпустилъ домой.

Вернулся бѣднякъ домой и выложилъ предъ женой всѣ царскіе подарки.

— Не прельщаютъ меня твои подарки,—сказала жена бѣдняку.

— Что-же мнѣ нужно сдѣлать, чтобъ ты со мной жила?—спросилъ бѣднякъ жену.

— Если ты будешь бекомъ царскихъ бань, я стану твоею женой, —отвѣтила она.

Явился бѣднякъ къ царю и сталъ просить мѣста бека царскихъ бань.

— Для тебя у меня нѣтъ ни въ чемъ отказа. Назначая тебя бекомъ своихъ бань,—сказалъ царь и выдалъ бѣдняку ярлыкъ за печатью своею. А бывшаго бека бань смѣстилъ съ должности.

Жена бѣдняка, узнавъ, что мужъ ея назначенъ бекомъ, была въ восторгѣ. Въ одинъ изъ дней она попросила мужа, чтобы онъ ей привезъ золотой экипажъ царской дочери, дабы съѣздить въ немъ въ баню.

Прибѣжалъ бѣднякъ къ дворцу и вызвалъ царскую дочь.

— О, дочь моя, мать твоя желаетъ съѣздить въ баню, одолжи свой золотой экипажъ—сказалъ бѣднякъ.

— Очень хорошо, душа-отецъ, бери пожалуйста,—сказала царская дочь.

Возсѣвъ въ золотой экипажъ, жена бѣдняка торжественно поѣхала въ баню. Приѣзжаетъ, а тамъ, оказывается, моется жена бывшего бека царскихъ бань.

— Пусть она выходитъ сейчасъ-же изъ бани,—гнѣвно закричала жена бѣдняка.

— Дайте мнѣ хоть голову вымыть—просила она. Но ее выгнали изъ бани по приказанію жены бѣдняка.

Итакъ, благодаря своей праведной жизни, бѣднякъ добился своего и сталъ жить въ свое удовольствіе.

Записано по-киргизски со словъ киргиза Чимкентскаго уѣзда, Нобай-Куринской волости, Иркенбека Ахенбекова.

V.

Въ прежнее время жили три брата, двое изъ нихъ родились отъ одной матери, а одинъ отъ другой.

Однажды, блуждая по степи, они наткнулись на кладъ. Соблазнившись богатствомъ, два брата порѣшили убить брата, родившагося отъ другой матери.

Тогда несчастный паренъ, мирясь съ рокомъ, положеннымъ Богомъ, сказалъ братьямъ:—О, мои братья, у меня есть къ вамъ послѣдняя воля. Жена моя остается беременной. Передайте ей мой послѣдній привѣтъ и скажите, что если она родитъ сына, пусть назоветъ его «Дадъ», а если дочь,—«Сирадъ».

Покончивъ съ несчастнымъ братомъ, родившимся отъ другой матери, два брата пришли домой и заявили овдовѣвшей снохѣ, что мужъ ея, по волѣ Бога, померъ и прислалъ съ ними ей поклонъ. Просилъ, если она родитъ сына, чтобы назвала его «Дадъ», а если дочь — «Сирадъ».

Спустя нѣкоторое время, вдова родила сына и назвала его «Дадомъ».

Мальчикъ выросъ. Однажды, играя, онъ забѣжалъ далеко. Мать вышла и кричитъ:—Дадъ! ¹⁾ Дадъ! пооди сюда.

Въ это время проѣзжалъ царь этой провинціи и, услышавъ возгласы женщины, приказалъ узнать, что съ нею случилось.

Сопровождавшіе царя, доложили, что такъ зовутъ мальчика.

— Что за странное имя? Тутъ есть какая-то загадка. Позовите-ка мнѣ эту женщину,—сказалъ царь.

Въ испугѣ и трепетѣ женщина подошла къ царю.

— Зачѣмъ ты назвала своего мальчика именемъ «Дадъ?»—спросилъ царь.

¹⁾ Д а д ъ,—восклицаніе о помощи: караулъ, спасите, помогите.

— О, Господишь, отецъ этого мальчика скончался въ степи. При кончинѣ его присутствовали два брата. Отходя въ лучшій міръ, онъ передалъ братьямъ свою послѣднюю волю, чтобы я не сокрушалась и чтобы, если Богъ пошлетъ мнѣ сына, я назвала его «Дадъ»,—отвѣтила вдова.

Когда царь спросилъ женщину при какихъ обстоятельствахъ померъ ея мужъ, женщина отвѣтила, что онъ отправился въ путь съ своими двумя братьями и болѣе домой не возвратился.

Когда царь позвалъ къ себѣ двухъ братьевъ умершаго, они доложили ему, что братъ ихъ скончался по волѣ Всевышняго.

— Вѣднѣй юноша, видя, что ты гибнешь отъ руки своихъ братьевъ, самъ Богъ внушилъ тебѣ мысль назвать будущаго своего сына такимъ плачевнымъ именемъ,—размышлялъ царь и приказалъ убить обоихъ братьевъ.

Царь не ошибся, былъ правъ въ своихъ выводахъ.

— Не рой другому, безъ вины, ямы, самъ въ нее попадешь,—говоритъ пословица.

Переведено съ рукописи киргиза Чимкентскаго уѣзда Ногай-Курипской волости Иркембека Ахенбекова.

VI.

Еще съ древнихъ временъ остались поговорки: «Не повѣдай женѣ секретовъ», «Не будь другомъ авгайца», «Не занимай денегъ у скряги».

Указывая на эти поговорки, когда-то нѣкій дѣлалъ наставленія своему сыну.

Чтобы испытать наставленія отца, парень отправился въ одно мѣсто, зарѣзалъ тамъ барана, уложилъ въ капъ и, принеся домой, сказалъ женѣ:—О, жена, я убилъ человѣка, пожалуйста никому не говори.—Предупредивъ такъ, онъ зарылъ капъ въ землю.

Послѣ того парень подружился съ однимъ авганцемъ и занялъ денегъ у скряги.

Какъ-то авганецъ пришелъ къ парню въ гости. Жена съ мужемъ изъ-за чего-то поссорились, и онъ ее избилъ.

— Такъ погоди же, я тебя доконаю. Ты забылъ, какъ убилъ человѣка и зарылъ его въ землю?—пригрозила она мужу, горячася.

Угрозы эти слышалъ авганецъ, пошелъ и доложилъ царю.

Царь послалъ за парнемъ есаула. Когда пришелъ есаулъ къ парню, у него находился скряга.

— Отдай мои деньги. Вѣдь когда ты придешь къ царю, онъ прикажетъ убить тебя, а деньги я съ кого получу?—горячился скряга.

Приводятъ парня къ царю. На вопросъ царя, парень отвѣчаетъ, что онъ никакого убійства не совершалъ, а хотѣлъ только провѣрить наставленія отца. Въ землю же онъ зарылъ въ капъ зарѣзаннаго барана, чтобы испытать жену. При чемъ парень рассказалъ царю сущность своего поступка.

Тогда царь послалъ есаула въ домъ парня, чтобы онъ доставилъ къ нему кашъ, не раскрывая его.

Приѣхавъ есаулъ и потребовалъ отъ жены парня тѣло убитаго ея мужемъ человѣка.

Обрадовалась жена парня и, приведя царскаго есаула, показала ему мѣсто погребенія убитаго человѣка.

Выкопавъ кашъ изъ земли, не открывая его, есаулъ повезъ прямо къ царю.

Открыли кашъ, смотритъ царь, а тамъ лежитъ баранъ.

Занятые у скряги деньги, парень имѣлъ при себѣ, а потому тутъ-же возвратилъ ихъ ему, а отъ друга своего, авганца, отрекся навсегда.

Одобривъ поступокъ парня, царь щедро наградилъ его и отправилъ домой съ миромъ.

Такъ-то, слова стариковъ, оказывается, бываютъ всегда основательны.

Записано со словъ киргиза Казалинскаго уѣзда, Кожабая Амалдыкова.

VII.

Въ древнія времена жилъ одинъ великій и справедливый государь, повелѣніе котораго народъ исполнялъ охотно и немедленно.

— Вѣдь вотъ народъ исполняетъ все мои требованія безпрекословно и скоро, а все это отъ того, что я постоянно помышляю объ ихъ благѣ и спокойствіи. Въ награду за это я и заслужилъ ихъ любовь ко мнѣ. А что, если я издамъ повелѣніе во вредъ моему народу, исполнять ли они его также охотно, или нѣтъ, — думалъ царь.

Чтобы испытать народъ, въ одинъ изъ дней, царь повелѣваетъ своимъ визирямъ, чтобы объявили его подданнымъ, чтобы они ничего не дѣлали и по ночамъ огней не зажигали.

Обнародовавъ населенію волю царя, визири доложили ему, что они объявили народу его повелѣніе, и что народъ точно выполняетъ его волю.

Ничего не возражая визирямъ, царь, дабы провѣрить заявленіе своихъ сановниковъ, переодевшись въ другой костюмъ, отправился ночью по городу. Идя по одной улицѣ, онъ замѣтилъ въ одной саклѣ огонекъ. Подойдя къ этой саклѣ и пріотворивъ двери, царь попросилъ милостыню. Оказывается въ этой саклѣ жилъ сапожникъ; въ то время когда царь отворилъ двери, онъ сидѣлъ за работой. Увидя просящаго милостыню нищаго, онъ всталъ съ мѣста и подаль ему маленькую лепешечку.

— Вѣдь отъ царя послѣдовало распоряженіе, чтобы никто ничего не дѣлалъ и чтобы по ночамъ никто свѣчей не зажигалъ; отчего ты не исполняешь такую волю своего повелителя? — спросилъ царь.

— Вѣдь ты получилъ милостыню и иди себѣ съ Богомъ, какое тебѣ до этого дѣло. Царь, который отдалъ такое повелѣніе, — дуракъ.

Ты посуди самъ, если-бъ я не работалъ, какъ бы сталъ я существовать. Человѣкъ я бѣдный. Отъ работы своей я ежедневно получаю четыре тенги пользы и четыре тенги убытку, — сказалъ сапожникъ.

Не возразивъ ничего на слова сапожника, царь вернулся во дворецъ и, потребовавъ къ себѣ своихъ четырехъ визирей, сказалъ имъ:— Я полагаю, что вы умѣе обыкновенныхъ людей, а потому выдѣляю васъ отъ прочихъ, осыпая милостями и назначилъ васъ визирями. Теперь задамъ я вамъ одинъ вопросъ, на который вы должны отвѣтить. Отъ занятій своихъ я получаю ежедневно четыре теньги убытку и четыре теньги прибыли. Такъ вотъ, сколько я имѣю прибыли и сколько пользы? Даю вамъ три дня срока: если вы не отвѣтите мнѣ на этотъ вопросъ или не найдете такого человѣка, который могъ бы отвѣтить на него, я васъ прикажу казнить,—сказалъ царь.

Прошли три дня, а визири такъ и не могли угадать заданнаго вопроса и уже собрались было бѣжать, какъ въ это время къ нимъ пришелъ сапожникъ и заявилъ имъ, что онъ отгадалъ бы вопросъ царя, если бъ ему дали хорошее вознагражденіе.

Визири съ большою радостью заплатили сапожнику четыре тысячи тиллей, и сапожникъ вмѣстѣ съ ними отправился къ царю.

— О, государь, четыре теньги убытку и четыре теньги прибыли я получаю слѣдующимъ образомъ. Отдаю одну теньгу,—новый долгъ плачу, отдаю другую теньгу,—старый долгъ плачу, третью теньгу въ колодець бросаю, а на четвертую теньгу,—самъ съ женою живу, разъяснилъ сапожникъ.

— Что одну теньгу ты тратишь на себя и жену, это всякому понятно. А вотъ ты разъясни, куда остальные три теньги дѣваешь,—спросилъ царь.

— Одну теньгу даю заимобразно своему сынку, для того, чтобы онъ меня кормилъ на старости лѣтъ, одну теньгу плачу, какъ старый долгъ отцу и матери, за то что они меня вскормили и вырастили, и, наконецъ, выражаясь:—«одну теньгу бросаю въ колодець» —этимъ самымъ я сказалъ то, что кормлю дочь, которая, овдовѣвъ, проживаетъ у меня,—отвѣтилъ сапожникъ.

Выслушавъ такой отвѣтъ и убѣдившись въ недюжинномъ умѣ сапожника, царь назначилъ его къ себѣ въ визири. Съ тѣхъ поръ сапожникъ сталъ жить припѣваючи.

Переведено съ рукописи киргиза Казалинскаго уезда, Кожабая Амалдыкова.

VIII.

Въ прежнія времена жилъ нѣкій человѣкъ, по имени Алдаръ-куса. Онъ былъ большой плутъ, и все его ремесло заключалось въ томъ, что онъ надувалъ людей.

Въ одинъ изъ дней Алдаръ-куса узналъ, что въ такой-то мѣстности проживаетъ всѣмъ извѣстный скряга, который на столько скупъ, что не даетъ даже нищи пробѣжимъ «Божьимъ гостямъ».

— Какъ его надуть,—задумался Алдаръ-куса.

И вотъ въ одинъ изъ дней, онъ отправился отыскивать аулъ этого скряги. Проведя въ дорогѣ много дней, онъ увидѣлъ вдругъ въ степи

одинокую стоящую черную юрту. Юрта эта на протяжении цѣлой полверсты была окружена со всѣхъ сторонъ камышомъ. Сдѣлано это было для того, чтобы заблаговременно можно было слышать приближеніе человѣка, дабы во время поспѣть отъ посѣтителя все съѣстное.

Увидя этотъ камышъ, Алдаръ-куса крѣпко задумался. Какъ тутъ быть, что сдѣлать, чтобы пройти безъ шума до юрты.

Простоявъ до вечера, онъ рѣшилъ набрать побольше камней. Когда уже было поздно, Алдаръ-куса началъ бросать въ камышъ одинъ за другимъ камни. Послѣ каждаго брошеннаго камня, изъ юрты высаскивалъ въ тревогѣ человѣкъ и озирался въ недоумѣніи кругомъ, не видя ничего.

Когда, наконецъ, хозяева юрты не стали обращать вниманія на шумъ камыша отъ полета камней, Алдаръ-куса направилъ свои стопы къ юртѣ скряги. Онъ шелъ съ такими же перерывами, какъ падали и камни. Подойдя на цыпочкахъ къ юртѣ и приподнявъ кошму, онъ увидѣлъ, что въ котлѣ варится мясо, а жена скряги сидитъ и мѣситъ тѣсто. Когда Алдаръ-куса неожиданно вошелъ въ юрту, жена скряги моментально спрятала тѣсто подъ себя. Она даже не спросила, кто онъ такой, куда и откуда идетъ. Итакъ, не снимая котла съ треножника и не накормивъ гостя, хозяева полегли спать, не поужинавъ.

Когда скряга съ женою заснулъ, Алдаръ-куса всталъ, досталъ изъ котла все мясо, съѣлъ, а въ котелъ спустилъ свои кожаные чамбары. Затѣмъ легъ и притворился спящимъ, дабы прослѣдить, что будетъ далѣе.

Спустя нѣкоторое время, хозяинъ съ хозяйкой проснулись и скряга сказалъ жепѣ, чтобы она сняла котелъ съ треножника и подала ему поужинать, ибо-де гость спитъ.

Жена исполнила требованіе мужа и супруги принялись за ѣду. Они долго жевали мясо, но никакъ не могли разжевать, до того было мясо твердо. Тогда скряга сказалъ жепѣ, чтобы она приберегла мясо, такъ какъ оно еще не поспѣло и, что когда гость уйдетъ, они доварятъ мясо и съѣдятъ. Потомъ скряга приказалъ жепѣ, чтобы она испекла ему лепешку. Получивъ таковую, скряга отправился въ степь пасти своихъ барановъ, положивъ лепешку за пазуху.

Какъ только скряга вышелъ изъ юрты, Алдаръ-куса немедленно вскочилъ за нимъ и, подойдя къ скрягѣ, произнесъ:—О, добрый хозяинъ, я теперь возвращаюсь домой и пришелъ проститься съ вами.— Съ этими словами, Алдаръ-куса сталъ обнимать скрягу. По мѣрѣ того, какъ онъ принималъ къ себѣ скрягу, горячая лепешка жгла ему страшно грудь. Озлобленный этимъ, скряга выхватилъ изъ-за пазухи горячую лепешку и выбросилъ ее на землю, приговаривая:—Да сожретъ же эту лепешку собака.

— Затѣмъ жрать собакѣ, лучше съѣмъ я,—сказалъ Алдаръ-куса, и сталъ ѣсть лепешку. Затѣмъ, обращаясь къ скрягѣ, Алдаръ-куса попросилъ у него шило починить сапоги.

Чтобы избавиться отъ Алдаръ-кусы, скряга сказалъ ему, что у него

нѣтъ съ собою шила, и просилъ Алдарь-куса, чтобы онъ за шиломъ шелъ къ нему домой.

— Вѣдь мнѣ его не дадутъ, крикните отсюда, чтобы дали мнѣ шило,—просилъ Алдарь-куса.

Нужно вамъ сказать, что у скряги была на возрастѣ дочь, которую звали *Бизъ-булдукъ*¹⁾.

Алдарь-куса вернулся въ юрту и сталъ требовать у жены скряги ее дочь. Въ доказательство того, что скряга отдалъ ему дочь свою, Алдарь-куса предъявилъ лепешку, данную ему скрягой.

Жена скряги не повѣрила Алдарь-кусу и не отдала дочь. Тогда Алдарь-куса выскочилъ изъ юрты и сталъ кричать скрягѣ вслѣдъ, что хозяйка не отдастъ дочь.

— Отдай Бизъ, отдай,—кричалъ женѣ скряга.

Услышавъ слова мужа, чтобы отдать дочь, жена залилась слезами и вручила Бизъ-булдукъ Алдарь-кусу.

Заполучивъ дѣвицу, ни сколько не мѣшкая, Алдарь-куса поспѣшилъ съ нею скорѣе убраться.

Когда настала вечеръ, скряга вернулся домой и, узнавъ отъ жены, что Алдарь-куса обманомъ увезъ ихъ дочь, сильно расплакался. На другой день онъ отправился на поиски дочери, но вернулся домой ни съ чѣмъ.

Продолжая свое путешествіе съ дѣвицей, Алдарь-куса набрелъ на другой день на одного паршиваго пастуха барановъ.

— Другъ любезный, какъ я вижу, у тебя голова совсѣмъ въ каростахъ. Имѣя столько барановъ, неужто ты не могъ вылѣчить свою голову. Вотъ я, напримѣръ, далъ одному лѣкарю одного барана, онъ мнѣ живо вылѣчилъ голову,—сказалъ Алдарь-куса.

— О, благодѣтель мой, возьми пожалуйста барана, только вылѣчи мнѣ голову,—заговорилъ съ радостью пастухъ.

— Ладно, такъ и быть. Я сейчасъ выкопаю яму и посажу тебя туда. Потомъ зарѣжу барана, выну изъ него желудокъ, надѣну тебѣ на голову и ты будешь оставаться такъ цѣлыя сутки. Барановъ же твоихъ я расположу вокругъ тебя. Если тебѣ захочется провѣрить, тутъ ли бараны, ты возьми и пошевелись. Тогда они завозятся около тебя, а если они разбрелись, то будетъ тишина,—молвилъ Алдарь-куса.

Уговоривъ такимъ путемъ пастуха, Алдарь-куса продѣлалъ все то, что наговорилъ несчастному пастуху, а затѣмъ, разбросавъ вокругъ него потроха барана, самъ угналъ стадо.

Лежитъ пастухъ преспокойно, только временами пошевеливается. Вороны, налетѣвшіе на потроха, въ это время взлетываютъ, а несчастный пастухъ воображаетъ, что это возятся его бараны, и продолжаетъ лежать, утѣшая себя, что избавится отъ каросты.

Настало утро, сморгить пастухъ, а барановъ-то нѣтъ, копошатся только одни вороны.

1) Бизъ—по-киргизски шило.

— Да, побилъ меня Господь,—воскликнулъ несчастный пастухъ и побрелъ разыскивать Алдаръ-кусу.

И вотъ, дядя нашъ Алдаръ-куса, продолжая гнать барановъ, наткнулся по дорогѣ на одного киргиза, пашущаго землю.

Препоручивъ женѣ гнать барановъ далѣе, Алдаръ-куса остановился у пашущаго киргиза, поздоровался съ нимъ и сталъ сообщать ему, что ѣдетъ съ женою своею къ тестю погостить. Затѣмъ онъ попросилъ у него напиться, но пашущій сказалъ, что у него нѣтъ съ собою воды, а потому онъ не можетъ утолить его жажды.

— Вы сбѣгайте за питьемъ въ ауль, а я здѣсь попашу за васъ,—упрашивалъ Алдаръ-куса.

Дѣлать было нечего, пашущій отправился въ ауль за питьемъ.

Этимъ временемъ Алдаръ-куса отогналъ быковъ пашущаго къ своимъ баранамъ, а затѣмъ, отрѣзавъ имъ хвосты, вернулся обратно и воткнулъ эти хвосты въ землю.

Когда пашущій возвращался съ питьемъ, онъ увидѣлъ, какъ Алдаръ-куса пошелъ по полю съ кетменемъ въ рукахъ.

— Что вы это дѣлаете, гдѣ жъ мои быки, спросилъ хозяинъ.

— Зы ваше отсутствіе здѣсь случилось чудо. Быки ваши ни съ того, ни съ чего заревѣли и ушли въ землю. И вотъ теперь я хочу поймать ихъ. Вотъ, видите, хвосты только остались наружу. Спаси Богъ, тянуть ихъ за хвосты, а то оборвете. Нужно вотъ бѣгать такъ, какъ я дѣлаю, тогда они сами вылѣзутъ,—сказалъ Алдаръ-куса и, напившись, ушелъ, проговоривъ, что ему нужно нагнать свое стадо.

Теперь вернемся къ скрягѣ. Не найдя дома своей дочери, онъ отправился по слѣдамъ Алдаръ-кусы и вотъ, продолжая путь, онъ встрѣтилъ паршиваго парня.

— Что ты за человѣкъ, и куда держишь путь,—спросилъ его скряга.

— Да вотъ какой то человѣкъ, ѣдущій съ женою обманомъ, угналъ у меня барановъ,—отвѣтилъ парень.

— Оказывается, другъ мой, у насъ одинаковое горе. Вѣдь эта женщина, съ которою онъ ѣдетъ, моя дочь, которую онъ похитилъ у меня. Такъ идемъ вмѣстѣ,—сказалъ скряга.

Продолжая вмѣстѣ путь, они подошли къ одному человѣку, который, крахтя, копалъ землю.

— Что ты здѣсь дѣлаешь,—полюбопытствовалъ скряга.

— Да вотъ, какой то человѣкъ, гнавшій съ женою барановъ, закопалъ моихъ двухъ быковъ въ землю,—отвѣтилъ копавшій.

— О, несчастный, да ты тоже подналъ подъ обманъ этого плута,—воскликнулъ скряга и предложилъ копавшему землю слѣдовать вмѣстѣ.

Хозяинъ быковъ, не рѣшавшійся до сего времени тянуть быковъ изъ земли за хвостъ, чтобы провѣрить заявленія скряги, потянулъ и полетѣлъ на затылокъ, такъ какъ бычачій хвостъ еле-еле былъ зарытъ въ землю.

Послѣ того всё трое отправились преслѣдовать Алдарь-кусу. Наконецъ они добрались до аула его и остались тамъ на ночлегъ.

Алдарь-куса для неожиданныхъ гостей зарѣзалъ вечеромъ большого жирнаго барана, угостилъ ихъ до отвала и сказалъ имъ, чтобы они послѣ сытнаго ужина не наложили ночью подъ себя, иначе старуха-мать его помретъ, а съ долгами обѣщался разсчитаться съ гостями завтра.

Гости улеглись спать и крѣпко заснули.

Нужно сказать, что Алдарь-куса еще заранѣе слилъ въ чашку жидкаго калу отъ зарѣзаннаго имъ для гостей барана.

Подойдя осторожно на цыпочкахъ къ паршивому пастуху, держа въ рукахъ чашку съ жидкостью, Алдарь-куса накапалъ ему по мягкимъ частямъ съ десятокъ капель этой жидкости и, подойдя къ скрягѣ, сдѣлалъ то же самое. Пахарю-же онъ подложилъ кишку, наполненную тою-же жидкостью.

Вернувшись на свою постель, Алдарь-куса легъ и притворился спящимъ.

Спустя нѣкоторое время, паршивый пастухъ въ ужасѣ проснулся, убѣжденный, что съ нимъ случился грѣхъ.

Нерѣшительно разбудилъ онъ скрягу и въ страхѣ сообщилъ ему о бѣдѣ своей.

— Ахъ, чтобъ меня Богъ побилъ, да и со мной тотъ-же грѣхъ случился,—прошептала скряга.

Разбудили пахаря. Онъ какъ проснулся, да оглядѣлся, такъ и замеръ на мѣстѣ.

— А у меня, братцы, такъ даже прямая кишка вывалилась, загворилъ онъ въ ужасѣ.

Въ это время, влетѣвъ въ юрту, Алдарь-куса, рыдая, плача и приговаривая:—О, печень моя, о, мать моя ¹⁾, она померла,—поднялъ такую суматоху, что гости не знали куда имъ дѣться.

— О, этотъ плутъ онъ намъ натворить бѣдъ. Что добраго, еще потребуетъ съ насъ «кунъ» за умершую свою мать,—думали три злополучныхъ гостя Алдарь-кусы и рѣшили бѣжать отъ него,—что исполнили тутъ-же. А Алдарь-куса, благодаря своей хитрости, приобрѣлъ даромъ жену, быковъ и барановъ.

Сказка эта записана по-киргизски въ Аулиеатинскомъ уездѣ, киргизомъ, Иркембекомъ Ахенбековымъ.

А. Диваевъ.

¹⁾ На похоронахъ близкаго родственника киргизы садятся на лошадей и скачутъ со словами: О, печень моя, о, печень моя!—что въ переносномъ смыслѣ—„близкій мой, единоутробный мой“:

VI $\frac{6}{8}$

Годъ 18-й.

✓
Кн. LXVIII—LXIX.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1906, № 1 и 2.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла **В. Д. Миллера**

и

Товарища Предсѣдателя Н. О. Янгука.

МОСКВА.

Т-во А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1906.

дѣлахъ Тобольской губерніи и извѣстна чуть ли не въ каждой деревнѣ. Даже въ городѣ Тюмени ее знаютъ и приурочиваютъ къ такъ называемому Цареву городищу.

П. А. Городцовъ.

Іюль 1905 г.

Семь сказокъ киргизовъ Сыръ-Дарьинской области.

1.

Въ прежнія времена какъ-то одна мышь сидѣла у входа въ свою норку. Въ это время неожиданно пошелъ съ неба градъ и горошинкой града переломило мыши бедровую кость. Мышь съ мѣста пустилась въ бѣгство. Продолжая бѣжать, она встрѣтила медвѣдя.

— Отъ кого ты такъ быстро убѣгаешь?—спросилъ медвѣдь у мыши.

— На нашъ аулъ напалъ непріятель, я ранена въ бедро: вотъ почему я убѣгаю,—отвѣтила мышь.

— О, если непріятель приближается, тогда и я бѣгу съ тобою, сказалъ медвѣдь.

И вотъ, медвѣдь, продолжая путь съ мышью, встрѣтилъ на дорогѣ тигра.

— Отъ кого вы такъ быстро убѣгаете?—спросилъ у нихъ тигръ.

— Да вотъ съ сѣвера на насъ напалъ непріятель, мы ранены оба въ бедро,—отвѣтили (медвѣдь и мышь).

— А, ежели такъ, и я бѣгу съ вами,—сказалъ (тигръ).

Продолжая втроемъ путь, они встрѣтили на дорогѣ волка.

— Отъ кого вы такъ быстро убѣгаете?—спросилъ (волкъ) трехъ бѣгущихъ.

— Да вотъ съ сѣвера на насъ напалъ непріятель, мы всѣ ранены въ бедра,—отвѣтили (тигръ, медвѣдь и мышь).

— А, ежели такъ, и я бѣгу съ вами,—сказалъ (волкъ).

Убѣгая вчетверомъ, они встрѣтили на дорогѣ лисицу.

— Отъ кого вы такъ быстро вчетверомъ убѣгаете?—спросила (лисица).

— Да вотъ съ сѣвера на насъ напалъ непріятель, мы всѣ ранены въ бедра,—отвѣтили (тигръ, медвѣдь, волкъ и мышь).

— А, ежели такъ, и я бѣгу съ вами,—сказала (лисица).

Продолжая путь впятеромъ, они встрѣтили на дорогѣ барсука.

— Отъ кого вы впятеромъ такъ быстро убѣгаете?—спросилъ (барсукъ).

— Да вотъ съ сѣвера на насъ напалъ непріятель, мы всѣ ранены въ бедра, вотъ почему и убѣгаемъ,—отвѣчали (тигръ, медвѣдь, волкъ, лисица и мышь).

Находясь много дней и ночей вшестеромъ въ пути, пріятели очень проголодались и, не зная, какъ утолить голодь, они обратились за совѣтомъ къ мыши.

— Вѣдь, дядю-тигра всѣ мы почитаемъ: кто жъ его тронетъ; волкъ намъ доставляетъ вѣсти, кто жъ его тронетъ; лисица нашъ есаулъ (разсылный): кто жъ ее тронетъ; а барсукъ намъ никто, такъ будемъ рвать его и ѣсть,—сказала мышь.

Итакъ, разорвали его на части и съѣли.

Продолжая свой путь, черезъ нѣсколько дней товарищи опять проголодались и снова обратились за совѣтомъ къ мыши.

— Вѣдь дядю-тигра всѣ мы почитаемъ, кто жъ его тронетъ; медвѣдь наша сестрица: кто жъ ее тронетъ; волкъ намъ доставляетъ вѣсти: кто жъ его тронетъ, а лисица намъ никто, такъ будемъ рвать ее и ѣсть,—сказала мышь.

Разорвали лисицу и съѣли.

Пропутешествовавъ вчетверомъ еще нѣсколько дней, товарищи снова проголодались и опять обратились къ мыши за совѣтомъ.

— Вѣдь дядю-тигра всѣ мы почитаемъ, кто жъ его тронетъ; медвѣдь наша сестрица: кто жъ ее тронетъ, а волкъ намъ никто, такъ будемъ рвать его и ѣсть.

Набросились на волка, разорвали и съѣли.

Теперь пріятели продолжали путь втроемъ.

Проведя въ дорогѣ нѣсколько дней, они проголодались и опять обратились за совѣтомъ къ мыши.

— Вѣдь дядю-тигра всѣ мы почитаемъ: кто жъ его тронеть, а медвѣдь намъ никто, такъ будемъ рвать его и ѣсть.

Разорвали медвѣдя и съѣли.

Наконецъ, тигръ и мышь остались вдвоемъ и отправились далѣе въ путь. Прошло нѣсколько дней въ дорогѣ. Тигръ и мышь проголодались.

Уставъ отъ длинной дороги, они улеглись отдохнуть, но только въ разныхъ мѣстахъ.

Оказывается, когда обдирали медвѣдя, мышь украла себѣ про запасъ два глаза медвѣдя. И вотъ, теперь, когда улеглись, стала втихомолку ѣсть припрятанные ею глаза.

— Что ты это кушаешь?—спросилъ тигръ.

— А я не могла болѣе вынести голода, вырвала себѣ оба глаза и вотъ теперь ихъ ѣмъ,—сказала мышь.

— Въ такомъ случаѣ и я вырву себѣ оба глаза,—сказалъ тигръ. И, вырвавъ оба глаза, съѣлъ ихъ.

Послѣ того ослѣпшій тигръ подохъ, а хитрая мышь много-много дней лакомилась мясомъ тигра и, спустя много времени, благополучно вернулась къ себѣ въ нору.

2.

„Лучше смѣтливый врагъ, чѣмъ глупый другъ“, говоритъ пословица, оставленная намъ предками нашими.

Однажды ни съ того, ни съ сего въ степи, заросшей кустарнымъ лѣсомъ, случился пожаръ. Тамъ въ это время, оказывается, ползала змѣя. Огонь захватилъ ее со всѣхъ сторонъ, и она, не зная, какъ спастись, шипя, кидалась во всѣ стороны. Какъ разъ въ это время проходилъ одинъ человѣкъ и, желая спасти змѣю, взялъ длинный шестъ, привязалъ къ концу торбу и поднесъ къ змѣѣ. Видя свое спасеніе, она сейчасъ же вскочила въ торбу, и человѣкъ такимъ путемъ спасъ ее.

Когда змѣя была выпущена изъ торбы, она все время преслѣдовала человѣка, обвивала его ногу и, шипя, угрожала, что она его ужалитъ на-смерть.

— О, негодная тварь! Развѣ я не сдѣлалъ тебѣ добра? Развѣ за добро не отплачивается добромъ?—сталъ укорять человѣкъ змѣю.

— Я представительница зла, поэтому отплачиваю за добро зломъ,— сказала змѣя.

— Нашъ споръ долженъ выяснитъ кто-нибудь,— сказала чело-
вѣкъ.

Вотъ они подошли къ одной раскидистой ивѣ и спросили ее:

— О, древо, за добро добромъ отплачивается или же зломъ?!

— За добро отплачивается зломъ. А ежели вы спросите: „почему такъ?“—на это я вамъ скажу слѣдующее. Много уже лѣтъ я расту на этомъ самомъ мѣстѣ. Въ знойное время года подъ мою тѣнью находятъ себѣ спасеніе все проѣзжающіе спутники. Они отдыхаютъ и спятъ въ прохладѣ, а когда уѣз-
жаютъ, люди эти безжалостно ломаютъ мои прутья и сучья. Гдѣ же тутъ справедливость, гдѣ же тутъ „за добро—добро“, отвѣтила ива.

— Вотъ, слышишь, я теперь тебя сейчасъ проглочу,—воскликнула змѣя.

— Ты не торопись, мы спросимъ еще кого-нибудь,—сказала чело-
вѣкъ.

Пройдя нѣкоторое разстояніе, они встрѣтили черную корову.

— О, созданіе Божіе! за добро добромъ отплачивается или же зломъ?

— Конечно, за добро отплачивается зломъ,—отвѣтила ко-
рова.

— Почему вы такъ думаете?—спросилъ чело-
вѣкъ.

— Когда меня купилъ чело-
вѣкъ, я была еще телкой. Это было пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Потомъ я выросла и стала рожать, дѣти мои стали тоже рожать; и такъ изъ меня образо-
валось потомство въ сорокъ душъ. Значитъ, „сколько я принесла хозяину пользы, а онъ въ благодарность даже не кормилъ меня, и теперь, на старости лѣтъ, хочетъ продать на зарѣзъ мясику. Ну, скажите, гдѣ жъ тутъ справедливость, гдѣ жъ тутъ „за добро—добро?“—кончила корова.

Въ это время змѣя собралась, было, проглотить чело-
вѣка, но чело-
вѣкъ, сказавъ: „Потерпи еще на этотъ разъ“—сталъ про-
должать путь дальше.

Шли они долго, пока не встрѣтили одного чело-
вѣка съ бѣлой
бородой.

Тогда человѣкъ и змѣя обращаются къ бѣлобородому человѣку съ своимъ вопросомъ.

— Скажи мнѣ, какимъ способомъ ты вытащилъ изъ огня змѣю?—спросилъ бѣлобородый.

— А я привязалъ къ шесту торбу и поднесъ къ змѣѣ, она выпрыгнула туда,—сказалъ человѣкъ.

— Ой, мнѣ что-то не вѣрится, чтобы змѣя могла помѣститься въ торбѣ; а ну-ка, попробуй ее посадить туда,—сказалъ бѣлобородый.

Въ это время змѣя въ одинъ мигъ шмыгнула въ торбу. Тогда два человѣка, крѣпко завязавъ отверстіе торбы, начали изъ всей силы бить торбу о землю. Змѣя подохла.

Когда змѣя подохла, человѣкъ сказалъ бѣлобородому человѣку:

— О, другъ мой, есть пословица, что „жестокому и глупому добра дѣлать нельзя“.

Я вамъ сейчасъ расскажу одну сказку. Въ прежнія времена былъ одинъ царь. Онъ не довѣрялъ людямъ, поэтому тѣлохранителемъ у своей постели поставилъ ученую обезьяну, давъ ей въ руки обнаженную шашку. „Кто бы ко мнѣ ни приближался, ты руби его!“—наказалъ строго царь обезьянѣ.

Въ томъ городѣ, гдѣ жилъ царь, находился извѣстный всѣмъ воръ. Вотъ онъ задумалъ украсть царскую казну. А чтобы попасть туда, онъ рѣшилъ подкопать дворець. Сдѣлавъ подкопъ, онъ какъ разъ вошелъ въ ту комнату, гдѣ спалъ царь. Смотритъ, царь спитъ, и по немъ ползетъ большой навозный жукъ, и тутъ же стоитъ обезьяна, замахнувшись шашкою, чтобы убить жука.

— Стой, что ты дѣлаешь!—закричалъ воръ на обезьяну.

Обезьяна вздрогнула отъ неожиданнаго оклика и не могла нанести ударъ, а царь отъ крика проснулся и открылъ глаза.

Смотритъ, стоитъ одинъ человѣкъ.

— Что ты за человѣкъ? по какимъ дѣламъ здѣсь?—спросилъ царь у вора.

— О, тахсырь (господинъ), я знаменитый воръ и не могу никакъ сдержать своихъ воровскихъ порывовъ. Я забрался сюда, чтобы украсть вашу казну. Когда вошелъ въ эту комнату, то увидѣлъ, что по васъ ползетъ навозный жукъ. Обезьяна, вашъ тѣлохранитель, завидя жука, замахнулась на него шашкой,

чтобы нанести ударъ, а я въ этотъ моментъ вскрикнулъ: „Стой, что ты дѣлаешь?“ Обезьяна испугалась и выронила изъ рукъ пашку. И вотъ такимъ способомъ спасъ васъ отъ смерти,—сказалъ воръ.

— Спасибо тебѣ, ты молодець, воскликнулъ царь—и, давъ вору много денегъ, отпустилъ его съ миромъ.

Разсказавъ эту сказку, человѣкъ, обратясь къ бѣлобородому, сказалъ:

— Ужъ подлинно, что „жестокому и глупому добра дѣлать нельзя“.— Затѣмъ продолжалъ:—Вѣдь вотъ и корова на подобіе обезьяны, не что иное—какъ глупый другъ. Гдѣ жъ видано, чтобы Богъ запретилъ человѣку рѣзать или продавать свою корову?

Поговоривъ такъ, спутники разошлись по разнымъ сторонамъ (Обѣ эти сказки переведены съ рукописи киргиза Ауміеатинскаго уѣзда, Чунгирской волости, Ирмухамеда Нуршанова).

3.

Въ прежнія времена былъ одинъ ханъ; у него была красавица дочь. Въ дѣвицу эту были влюблены все цари, все богатыри и все дивы. Въ тѣ времена жилъ одинъ величайшій дивъ, который также былъ влюбленъ въ эту дѣвицу. Вотъ онъ послалъ къ хану свата, сказавъ: „пусть онъ выдастъ за меня дочь свою“.

— Дочь свою я не выдавалъ даже за царскихъ сыновей, а за кефира (невѣрнаго) дива, никогда не выдамъ. Кромѣ того, я далъ полную волю дочери моей: за кого она захочетъ, за того и выйдетъ,—сказалъ ханъ посланному.

Когда свать вернулся отъ хана и доставилъ его отвѣтъ, дивъ очень разгнѣвался и рѣшилъ идти войною на хана. И вотъ, собравъ большое войско, онъ предпринялъ походъ на городъ хана. Когда дивъ подошелъ къ городу, то увидѣлъ многочисленное войско. Оказывается, ханъ, на всякій случай, тоже приготовился встрѣтить врага.

Здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ дней продолжалась кровопролитная война, и дивъ въ концѣ концовъ одержалъ побѣду и занялъ городъ.

Когда дочь хана узнала о побѣдѣ дива, дабы не подвергнуть свой народъ гибели, она послала къ диву своего человѣка съ извѣщеніемъ, что готова выйти въ замужество за такого богатыря, какъ онъ, дивъ, но съ однимъ лишь условіемъ, чтобы онъ праздновалъ ея свадьбу 40 дней и устраивалъ для народа веселье въ теченіе 40 дней, такъ какъ она ханская дочь.

Дивъ согласился на предложеніе дѣвицы и приступилъ къ свадебному торжеству. Когда всѣ торжества приближались уже къ концу и дивъ собирался обвѣнчаться по языческому обычаю съ ханскою дочерью, пріѣхалъ въ городъ извѣстный богатырь, по имени Кызыль-батырь, со своими приближенными людьми и, прямо проѣхавъ къ урдѣ (дворцу) ханской дочери, вызвалъ ее на улицу.

Узнавъ объ этомъ, дивъ, облачившись въ доспѣхи, сѣлъ на коня и поѣхалъ прямо въ урду къ дѣвицѣ, чтобы снести и ей голову и Кызыль-батыру. Когда дивъ приближался къ урдѣ, то увидѣлъ ханскую дочь разговаривающею съ Кызыль-батыромъ.

— О, Кызыль-батырь, ты представитель богатырей отъ мусульманъ, а я представитель богатырей отъ дивовъ, и оба мы влюблены въ одну и ту же дѣвицу. Я вовсе не желаю застрѣлить тебя врасплохъ, а горю нетерпѣніемъ помѣриться съ тобою силами!—воскликнулъ дивъ, подѣзжая.

— Это ты дѣло говоришь,—отвѣтилъ Кызыль-батырь.

— Такъ какъ я старше тебя, то и стрѣлять буду первый,—замѣтилъ дивъ.

— Стрѣлай,—сказалъ Кызыль-батырь.

Когда дивъ выстрѣлилъ въ Кызыль-батыра, то боевой конь его (тулфаръ) подскочилъ къ небу, такъ что стрѣла пролетѣла подъ лошадью, не причинивъ никакого вреда Кызыль-батыру.

Послѣ того настала очередь стрѣлять Кызыль-батыру. Онъ выстрѣлилъ и убилъ дива. Потомъ Кызыль-батырь тутъ же обвѣнчался съ ханскою дочерью.

Оказывается, дочь хана съ умысломъ выговорила 80 дней на свадебное торжество, чтобы дожидаться прибытія своего возлюбленнаго Кызыль-батыра, который могъ бы ее спасти и вступить съ нею въ бракъ, чего она, благодаря уму своему, и добилась. Недаромъ говорить пословица: „Конецъ терпѣнья—золото“.

(Переведено съ рукописи киргиза Казалинскаго уѣзда, Кучербаевской волости, Ходжабая Амалдыкова).

4.

Въ прежнія времена одинъ человѣкъ, слѣпой на оба глаза, предъявилъ свои права на жену одного человѣка со здоровыми глазами.

— О, люди справедливые, жена моя будучи недовольной, что я слѣпой, познакомилась съ постороннимъ мужчиной, соѣждала съ нимъ и неизвѣстно гдѣ скрывалась. Сегодня я случайно нашель ее,—кричалъ въ слезахъ на улицѣ слѣпой человѣкъ, ухватившись за платье своей жены.

Всѣ собравшіеся на улицѣ на крикъ слѣпому люди были увѣрены, что слѣпой говорить правду.

Слѣпой повелъ женщину вмѣстѣ съ мужчиной къ бію (судьѣ) и говорить:

— О, таксырь (господинь)! Вотъ эта женщина была моя жена, а этотъ неизвѣстный мужчина, сбивъ ее съ пути, забралъ ее къ себѣ. Сегодня только я ее нашель и привелъ къ вамъ. О, таксырь, разберите дѣло мое и возвратите мнѣ жену!—сказалъ слѣпой бію.

Бій усѣлся и сталъ разбирать дѣло.

— Что вы скажете на это?—спросилъ бій у женщины и у зрячаго мужчины.

Тогда женщина говорить:

— Я жена вотъ этого зрячаго человѣка, а слѣпому я совсѣмъ не знаю.

Человѣкъ со здоровыми глазами говорить:

— Женщина эта дѣйствительно жена моя, съ которою я повѣнчанъ и за которую я заплатилъ калымъ. Слѣпому этого я пріютилъ у себя изъ жалости, желая совершить богоугодное дѣло. Значить, за все мое добро вотъ онъ чѣмъ оплачиваетъ мнѣ.

Послѣ того бій всѣхъ трехъ тяжущихся разсадилъ въ трехъ отдѣльныхъ юртахъ и незамѣтно имъ поставилъ снаружи людей подслушивать.

— О, Боже, чѣмъ я тебя прогнѣвала, что ты послалъ ко

мнѣ какого-то слѣпого? О, не допусти, Господи, чтобы я попала въ руки этого слѣпого,—рыдала женщина въ своей юртѣ.

— О, лживый слѣпой, Всесильный Богъ покараетъ тебя, ты получишь отъ Него возмездіе. Зачѣмъ ты мстишь мнѣ за мое къ тебѣ добро?—разражался вздохами зрячій человѣкъ.

— О, ты слѣпой! ты затѣялъ ловкое дѣло. Если Богъ поможетъ, будешь ты имѣть жену,—ехидничалъ вслухъ слѣпой.

Подслушивающіе люди объ услышанныхъ ими разговорахъ подробно сообщили бію и заявили, что женщина принадлежитъ мужчинѣ съ зрячими глазами.

Когда біи потребовалъ къ себѣ всѣхъ трехъ тяжущихся людей и объявилъ имъ о томъ, о чемъ они размышляли вслухъ, оставаясь каждый въ отдѣльной юртѣ, раздосадованный слѣпой, за свою оплошность, прикусилъ свой палецъ до крови и застылъ въ такомъ положеніи.

Тогда біи вручилъ женщину зрячему человѣку, какъ его жену, а слѣпого подвергъ наказанію за клевету.

(Переведено съ рукописи киргиза Чимкентскаго уѣзда, Акташской волости, Мулла-Али Махди-баева.)

5.

Однажды озерная лягушка и сусликъ завели между собою тѣсную дружбу. Въ одинъ изъ дней сусликъ говоритъ лягушкѣ:

— О, другъ, я давно жажду услышать твое пѣніе. Да вотъ все не удавалось свидѣться съ тобою. Знаешь, вѣдь, дѣла житейскія, все приходится рыскать по степи, ради глотки своей. Такъ вотъ, чтобы мнѣ не сожалѣть и не раскаиваться потомъ, дай ты мнѣ знать, когда придетъ охота тебѣ пѣть.

Лягушка, сказавъ: „хорошо“, раздобыла длинную нитку, одинъ конецъ ея привязала къ ногѣ суслика, а другой конецъ къ своей ногѣ.

— Когда я дерну за нитку, ты будь готовъ слушать мое пѣніе,—сказала лягушка и нырнула на дно озера.

Въ одинъ изъ дней (сусликъ), по знаку лягушки, прибѣжалъ къ озеру и плотно прильнулъ къ берегу, чтобы послушать пѣніе лягушки. Въ это время откуда ни возмись, появилась на небѣ птица-мышеловъ, схватила суслика и поднялась вверхъ. За сус-

ликомъ потянулась и квакающая лягушка; вѣдь, помните, она тоже привязала одинъ конецъ нитки къ своей ногѣ.

— Тысячу разъ будь проклять отецъ того, который заводитъ дружбу съ постороннимъ существомъ, — повторяла лягушка, увлекаемая мышеловомъ къ небесамъ.

Итакъ, лягушка, по глупости своей, погибла вмѣстѣ съ сусликомъ.

(Переведена съ рукописи сарта города Чимкента, Мулла Османа.)

6.

Въ древнія времена жилъ одинъ царь, котораго звали Абдуль-Меджидомъ. Однажды въ тѣ времена одинъ человѣкъ купилъ у другого человѣка кусокъ земли. Когда этотъ человѣкъ сталъ распахивать купленную свою землю, нашель въ землѣ корчагу, наполненную золотыми тиллями. Тогда купившій землю человѣкъ пришелъ къ продавшему и говоритъ:

— Въ нѣдрахъ проданной тобою земли я нашель корчагу, наполненную золотыми тиллями. Ты, должно быть, ихъ тамъ забылъ. Приди и возьми.

Продавшій землю отвѣтилъ:

— Я тебѣ продалъ землю какъ есть. Сколько разъ я пахаль эту землю; если бы тилли принадлежали мнѣ, то я развѣ не нашель бы ихъ? Нѣтъ, это твое счастье, бери ихъ себѣ.

Купившій землю сказалъ:

— Я вѣдь покупалъ только одну землю, а тилли твои, я не возьму.

Поспоривъ такъ, оба человѣка пришли къ царю Абдуль-Меджиду.

Царь, узнавъ, въ чемъ дѣло, обратился къ своимъ визирямъ съ вопросомъ:

— Если эти два человѣка отказываются принять тилли, найденныя въ землѣ, то кто же ихъ долженъ получить?

Тогда одинъ изъ визирей сказалъ:

— Богатство, извлеченное изъ земли, должно принадлежать царю⁴.

На это царь Абдуль-Меджидъ въ гнѣвѣ отвѣтилъ:

— Не боишься ты Бога, дуракъ ты этакій. Продавшій землю отъ этого золота отказывается, купившій землю тоже отказывается. Зачѣмъ же оно будетъ принадлежать мнѣ. Вѣдь не зарывалъ же это золото кто-либо изъ моихъ предковъ.

— О, государь мой, надо бы спросить продавца и покупателя земли, имѣютъ ли они сыновей и дочерей. Если они имѣютъ, то надо ихъ дѣтей поженить и золото найденное раздѣлить между ними,—сказалъ другой визирь.

Царь спросилъ:

— „Кто изъ васъ имѣетъ дочь и кто сына?

Тогда, продавшій землю отвѣтилъ, что онъ имѣетъ сына, а купившій землю сказалъ, что онъ имѣетъ дочь.

Царь потребовалъ къ себѣ сына и дочь помянутыхъ двухъ человѣкъ и приказалъ повѣнчать ихъ.

Сына звали Гаруномъ, а дочь Салимá.

Помянутыя тилли царь приказалъ отдать молодымъ.

Увидѣвъ тилли, Салимá произнесла:

— О, Гарунъ я имѣю кое-что сказать тебѣ.

— Говори,—сказалъ Гарунъ.

— Какъ же мы примемъ это золото, когда не приняли его наши отцы. Вѣдь неизвѣстно, отъ кого осталось это богатство. Если мы въ этомъ тлѣнномъ мѣрѣ проживемъ, пройдемъ это богатство, которое вовсе намъ не принадлежитъ, какой же мы дадимъ отвѣтъ въ загробномъ мѣрѣ? Нѣтъ, другъ мой, мы лучше заявимъ просьбу царю, чтобъ онъ насъ избавилъ отъ этого добра. Скажемъ ему, что Всевышній, создавая человѣка, заранѣе отмѣчаетъ на его челѣ, сколько ему прожить и питаться. И что, молъ, когда продуктъ питанія изсякнетъ, тогда и мы должны умереть. А чужого добра намъ не надо,—сказала Салимá.

Представъ передъ царемъ, Салимá начала:

— О, Государь, будь справедливъ къ намъ, избавь ты насъ отъ бѣды. Возьми обратно данное тобою намъ золото, отъ котораго отказались отцы наши. Ты знаешь, государь: создавая насъ, Творецъ Всевышній впередъ опредѣлилъ намъ количество питанія, и мы, истощивъ это питаніе, должны умереть.

Царь, пораженный честностью и скромностью Салимы, воскликнувъ: „Хвала тебѣ отъ Бога!“ принялъ обратно золото отъ

Гаруна и Салимы и, наградивъ ихъ щедро отъ себя, отпустилъ домой.

— Что же мы теперь станемъ дѣлать съ этими тиллями?—спросилъ царь у визирей.

Тогда одинъ изъ визирей посовѣтывалъ зарыть эти тилли въ томъ самомъ мѣстѣ, откуда они были извлечены; другой визирь по имени, Абдуль-Алимъ, сказалъ, что нельзя зарывать обратно въ землю богатство, которое Самъ Господь обнаружилъ. Это золото надобно употребить на какое-нибудь доброе дѣло. Было бы очень полезно устроить огромный садъ, засадивъ его разными фруктовыми деревьями, и дать возможность пользоваться плодами разнымъ вдовамъ и сиротамъ.

Совѣтъ этотъ очень понравился царю и визирямъ.

— О, мой всевѣдущій визирь Абдуль-Алимъ! возьми это золото и распорядись имъ по своему усмотрѣнію такъ, чтобы было хорошо и полезно,—сказалъ царь.

Послѣ того визирь Абдуль-Алимъ объявилъ по всей странѣ, что хочетъ приобрѣтать фруктовыя деревья. И вотъ къ нему стали доставлять изъ горъ и изъ всѣхъ садовъ деревья. Накупилъ онъ ихъ 90.000 корней и заплатилъ 90.000 тиллей.

Выбравъ самое лучшее мѣсто, онъ приказалъ разсадить деревья. А оставшіяся тилли онъ роздалъ тридцати лучшимъ садовникамъ, чтобы они въ три года привели садъ въ лучшее состояніе.

По истеченіи трехъ лѣтъ садъ сталъ великолѣпный, онъ такъ разросся и такъ былъ густъ, что было темно ходить по немъ, а фрукты такъ и унизывали деревья.

Въ одинъ изъ дней, когда въ саду отъ густоты деревьевъ стало совсѣмъ мрачно и темно, по могуществу Бога, вдругъ появилось въ разныхъ мѣстахъ сада 10.000 деревьевъ, унизанныхъ алмазами и прочими драгоценными перлами. Отъ блеска лучей этихъ драгоценныхъ камней нельзя было отличить день отъ ночи, ночь отъ дня. Всѣ плоды на деревьяхъ, скрывающіеся до того между листвою, можно было различать совсѣмъ ясно.

Видя такое чудо, визирь Абдуль-Алимъ совсѣмъ растерялся. Онъ и радовался, и страхъ его какой-то забиралъ.

Наконецъ, онъ предсталъ передъ царемъ и сказалъ:

— О, мой государь, не угодно ли будетъ тебѣ оказать мнѣ милость и осмотрѣть мой садъ.

Царь Абдуль-Меджидъ обѣщался прибыть въ сопровожденіи своихъ визирей и прочихъ сановниковъ.

Визирь Абдуль-Алимъ приготовился принять своего повелителя елико возможно пышно. Какихъ только онъ яствъ, какихъ только кушаній онъ не приготовилъ.

Вотъ пріѣхалъ царь и сталъ любоваться садомъ. Немного погода, одинъ изъ садовниковъ передъ нимъ выставилъ на ска-терти фрукты.

Посмотрѣвъ на чудные фрукты, царь произнесъ, обращаясь къ садовнику:

— О, другъ мой, эти плоды предназначены не мнѣ и не мнѣ подобнымъ. Ими должны пользоваться бѣдныя, немощныя вдовы и сироты.

Въ это время одинъ человѣкъ, чтобы доставить царю, сорвалъ съ дерева одинъ плодъ, унизанный алмазами. Какъ только онъ сорвалъ этотъ плодъ, у него тутъ же омертвѣли обѣ руки. Несчастный человѣкъ упалъ на землю и зарыдалъ горькими слезами. Дали сейчасъ же знать о случившемся царю Абдуль-Меджиду. Увидя пострадавшаго человѣка, царь тутъ же, совершивъ намазъ (молитву) въ два поясныхъ поклона, обращаясь въ слезахъ къ небу, воскликнулъ:

— О, Боже милостивый, умоляю Тебя, ради пророка Азрета Исмаила, исцѣли этого несчастнаго раба Твоего.

Богъ внялъ мольбѣ царя и исцѣлилъ руки пострадавшаго человѣка.

Послѣ того царь объявилъ всеѣмъ, чтобы они пользовались плодами того сада, но, Боже упаси, чтобы плодовъ, унизанныхъ драгоценными перлами, они не трогали, иначе у нихъ отсохнутъ руки.

Садъ этотъ долженъ просуществовать до самого страшнаго суда, и онъ, говорятъ, носитъ названіе *Мазандаранъ*. Въ немъ, сказываютъ, живутъ дикіе люди, обезьяны и много другихъ твореній.

Да, правдивость и честность всегда хороши.

(Переведено съ рукописи киргиза Ташкентскаго уѣзда, Акджарской волости, аула Чарь-Фуладъ, Мулла-Кубея Токфулатова)

7.

Въ древнія времена жилъ знаменитый охотникъ, по имени Истанъ. Однажды, охотясь въ горахъ, онъ запоздалъ и не могъ вернуться домой. Оставшись тамъ же, въ горахъ, онъ сталъ себѣ варить дичь. Когда мясо поспѣло и Истанъ сталъ его ѣсть, къ нему подошла одна молодая женщина. Всмотрѣвшись хорошенько въ женщину, охотникъ увидалъ, что женщина эта совсѣмъ не похожа на обыкновенныхъ женщинъ. Чтобы разглядѣть ее, охотникъ далъ ей, воткнувъ на ножикъ, кусочекъ мяса. Она приняла это мясо, тщательно закрывъ руку рукавами платя. Затѣмъ охотникъ, взявъ въ одну руку ножъ, а въ другую руку кусочекъ мяса, опять подалъ молодой женщинѣ, но она на этотъ разъ разинула ротъ, но въ руки мяса не взяла. Послѣ того женщина ушла.

Охотникъ подумалъ, что, вѣроятно, это не человѣкъ, а какое-либо вредное существо. Поэтому, прежде нежели лечь спать, охотникъ добылъ большой кусокъ дерева, обдѣлалъ изъ него подобіе человѣка, уложилъ на землю, покрылъ своимъ халатомъ, а самъ спрятался въ ямѣ. Когда настала ночь, онъ увидѣлъ идущую къ нему молодую женщину. Она шла очень осторожно, оглядываясь кругомъ. Вотъ она подошла къ куску дерева, покрытому халатомъ и, обняла его, но, когда увидѣла, что это не человѣкъ, швырнула кусокъ дерева со злобою въ сторону. Въ это время охотникъ выстрѣлилъ изъ ямы въ женщину, она упала и померла.

Когда Истанъ осмотрѣлъ ее, то оказалось, что всѣ десять пальцевъ ея были мѣдные. Это, оказывается, былъ не человѣкъ, а *джезь-тырнакъ* ¹⁾. Хорошо еще такъ счастливо отдѣлался охотникъ Истанъ.

(Переведено съ рукописи киргиза Чимкентскаго уѣзда, Погай-Куринской волости, Иркембека Аженбекова.)

А. Диваевъ.

Мартъ 1906 года.
Ташкентъ.

¹⁾ *Джезь-тырнакъ* — въ буквальномъ переводѣ — мѣдные ногти. О джезь-тырнакахъ существуетъ много разсказовъ у киргизовъ, и всѣ они почти аналогичны. Джезь-тырнаковъ можно приравнять къ мифическимъ лѣснымъ русалкамъ.

VI $\frac{6}{8}$

Годъ 24-й.

Кн. XCII—XCIII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1912, № 1—2.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла *В. Ө. Миллера,*
Товарища Предсѣдателя Н. А. Янлука

И

Секретаря **В. В. Богданова.**

МОСКВА.

Типографія Императорскаго Московскаго Университета.

1912.

СМѢСЬ.

Сказки киргизовъ Сыръ-Дарьинской области.

1.

Восемь плѣшивыхъ ¹⁾.

Въ прежнія времена жили семь плѣшивыхъ (тазъ). Да еще былъ одинъ плѣшивый. Онъ былъ одинокъ, очень бѣденъ и имѣлъ лишь одну телку. Телку эту самовольно зарѣзали и съѣли семь плѣшивыхъ, а шкуру возвратили одинокому плѣшивому.

Выдѣлавъ въ *теркеизъ* ²⁾ шкуру своей телки, бѣдняга одинокій плѣшивый принесъ ее къ хлѣбопашцамъ и продалъ, которые обѣщались заплатить ему по одной чашкѣ (хлѣбнаго) зерна.

— Иди, вонъ къ той юртѣ, тамъ тебѣ дастъ жена чашку зерна, сказалъ (одинокому плѣшивому) купившій шкуру хлѣбопашецъ.

— Мужъ твой купилъ у меня шкуру, ты должна заплатить мнѣ за это одну чашку зерна, сказалъ плѣшивый женѣ хлѣбопашца, придя къ нему въ юрту.

— Ты не заходи въ юрту, подожди около дверей, я тебѣ вынесу одну чашку зерна, отвѣтила женщина.

Оказывается, что у женщины въ это время сидѣлъ въ юртѣ любовникъ, и она, желая скрыть его отъ плѣшиваго, вынесла зерно и насыпала въ подоль плѣшивому. Плѣшивый, догадавшись въ чемъ дѣло, нарочно около порога просыпалъ зерно, съѣлъ и сталъ его подбирать.

— Послушай, плѣшивый! ты не собирай зерно, брось это дѣло, я тебѣ вынесу еще чашку зерна, сказала женщина.

¹⁾ Два варианта этой сказки напечатаны мною въ „Этнографическомъ Обозрѣннѣ“. См. книжки за 1903 г. № 1 и за 1904 г. № 1.

²⁾ *Теркеизъ*—сыромятный крученый ремень, прикрѣпляемый къ ярму плуга или сохи. А. Д.

Я свое зерно собираю, а чужого мнѣ не нужно, возразилъ плѣшивый, продолжая подбирать просыпанное.

Въ это время женщина, суетясь кипятила масло, чтобы приготовить своему любовнику трапезу и пошла къ сосѣдямъ за солью.

Этимъ временемъ плѣшивый вошелъ въ юрту и увидѣлъ, что женщина, дабы скрыть отъ него своего любовника, посадила его въ абдиру ¹⁾.—Тогда плѣшивый, сливъ горячее масло (въ посудину), подошелъ въ женскомъ одѣяніи къ сидѣвшему въ абдирѣ челоуѣку, и сказалъ: „открывай скорѣе ротъ!“

Спрятавшійся, вообразивъ, что женщина собирается его кормить, разинулъ ротъ, а плѣшивый влилъ ему горячее масло. (Мужчина) отъ обжога горла тутъ же померъ.

Плѣшивый тотчасъ же вернулся на свое старое мѣсто и началъ продолжать подбирать свое зерно.

Женщина, вернувшись, увидѣла, что сидѣвшій въ абдирѣ челоуѣкъ померъ.

— Богъ (меня) побилъ!... Какъ это могло случиться? вскрикнула женщина.

— Въ нашей юртѣ есть мертвецъ, я тебѣ дамъ сорокъ тиллей, только, пожалуйста, похорони его гдѣ-нибудь, воскликнула женщина, обращаясь къ плѣшивому, сидящему за порогомъ юрты.

— „Хорошо“—сказалъ плѣшивый, а женщина дала (ему) сорокъ тиллей.

Тогда плѣшивый, взявъ мертвеца и возбудивъ ему причинное мѣсто, зарылъ его противъ юрты въ кучу навоза, оставивъ наружу, торчмя ч...ъ мертвеца, а самъ опять усѣлся подбирать свои зерна.

Спустя немного времени вернулся хлѣбопашецъ. Смотрить, плѣшивый подбираетъ зерна.

— Брось, не собирай, я тебѣ еще дамъ зерна, сказалъ (плѣшивому) пахарь, но и ему (плѣшивый) отвѣтилъ, что чужого (добра) ему не нужно, и продолжалъ собирать зерно.

— Въ такомъ случаѣ привяжи вотъ этихъ быковъ, сказалъ (пахарь плѣшивому).

(Плѣшивый) привязалъ быковъ за ч...ъ помянутаго мертвеца.

1) Абдира—большой деревянный ящикъ-сундукъ А. Д.

Голодные быки, потянувшись за травой, выволокли мертвеца изъ земли.

— (Должно быть) Богъ меня побилъ, что это за несчастье! воскликнулъ пахарь, увидя мертвеца, по выходѣ изъ юрты.

Я ничего не знаю, я думалъ, что привязалъ быковъ къ колу, а это, оказывается, человѣческій ч...ъ, произнесъ плѣшивый, дѣлая испуганный и изумленный видъ.

Послѣ того хлѣбопашецъ далъ плѣшивому сорокъ тиллей, да еще одного осла, и велѣлъ какъ можно дальше забросить мертвеца.

Плѣшивый взялъ мертвеца, подперъ ему подъ подбородокъ виллообразную деревянную палку, чтобы онъ походилъ на живого человѣка, посадилъ на осла и погналъ. По дорогѣ онъ замѣтилъ красивѣйшій посѣянный хлѣбъ на нивѣ и прямо отогналъ осла на посѣвъ, а самъ сѣлъ на корточки, якобы помочиться.

Хозяинъ нивы въ это время въ сторонѣ поливалъ посѣянный имъ лукъ. Увидя осла, онъ поднялъ крикъ и, прибѣжавъ, гнѣвно сталъ бить осла, а испуганный оселъ началъ брыкаться и сбиль съ себя мертвеца.

Увидя это, плѣшивый прибѣжалъ съ крикомъ отчаянья, что на ослѣ сидѣлъ его больной отецъ и что хлѣбопашецъ сталъ причиною его смерти. „Развѣ вы не могли меня предупредить, развѣ я не могъ уплатить вамъ денегъ за потраву“,—продолжалъ кричать плѣшивый, предъявляя искъ (къ хлѣбопашцу).

Послѣ переговоровъ, хлѣбопашецъ обѣщался уплатить плѣшивому 10 наровъ ¹⁾ *съ кунъ* ²⁾, навьючивъ ихъ хлѣбомъ.

Получивъ 10 наровъ съ хлѣбомъ и покончивъ дѣло, похоронивши мертвеца, плѣшивый поѣхалъ дальше.

Бдучи съ навьюченными хлѣбомъ, плѣшивый встрѣтилъ поманутыхъ семь плѣшивыхъ, которые сидѣли и поглаживали себѣ усы.

— Хотя вы и съѣли мою телку, но Боиъ вознаградилъ меня... Оказывается въ семь мѣрѣ *теркешъ* составляютъ деньги. Выдѣлавъ шкуру телки моей въ теркешъ, я заработалъ 80 тиллей и 10 верблюдовъ хлѣба, сказалъ одинокій плѣшивый семи плѣшивымъ.

1) Наръ—одногоорбый верблюдъ,—дромадерь, дѣнится киргизами высоко.

2) Кунъ, или правильнѣе „хунъ“, значить—дѣна за кровь.

— Въ такомъ случаѣ зарѣжемъ мы своихъ коровъ, выдѣлаемъ изъ ихъ шкуръ теркешъ и продадимъ ихъ, воскликнули семь плѣшивыхъ.

Зарѣзали они своихъ коровъ, выдѣлали изъ шкуръ теркешъ и отправились продавать въ степь. Но тамъ никто не покупаетъ,— даютъ только по 2 по 5 коп. Итакъ, семь плѣшивыхъ, не сбывъ свои теркешъ, вечеромъ вернулись домой.

— „Чтобъ его дочь была разведена!“¹⁾ Этотъ плѣшивый, оказывается надулъ насъ. Надо сжечь его весь хлѣбъ, сказали семь плѣшивыхъ.

Сожгли и превратили въ кучу золы.

На другой день утромъ одинокій плѣшивый, навьючилъ золу на 10 наровъ, поѣхалъ въ степь, присоединился къ одному каравану и продолжалъ съ нимъ путь. Наконецъ караванъ остановился на привалѣ и люди зарѣзали одного барана.

— О, люди каравана, прошу васъ, сегодня во время сна *не издавайте звуковъ*, я везу чувствительную клажу, иначе она можетъ превратиться въ золу, упрашивалъ плѣшивый.

— Сегодня мы издавать звуковъ не будемъ, прибыли усталыми, всѣ заснемъ, отвѣтили люди каравана.

Когда всѣ заснули, плѣшивый облилъ всѣмъ имъ задницы жидкимъ каломъ зарѣзаннаго барана, который онъ припряталъ заранѣе.

Вставши утромъ, плѣшивый сталъ высыпать изъ мѣшковъ золу въ одну кучу. Въ это время проснулись люди каравана и стали переговариваться между собою.

— Ужъ не издалъ ли кто-нибудь изъ насъ звука? Посмотри, у этого бѣдняги кладъ обратилась въ золу, сказалъ одинъ.

— Да я, оказывается, издалъ звукъ, произнесъ другой.

— Должно полагать я много издавалъ звуковъ, даже прямая кишка вылѣзла, сказалъ третій.

— А меня такъ совсѣмъ Богъ побилъ. Я весь обмарался, заявилъ четвертый.

Послѣ того всѣ люди каравана, дабы не было ущерба плѣшивому, рѣшили надѣлать его хлѣбомъ. И вотъ онъ, получивъ 10 верблюдовъ хлѣба, поѣхалъ домой.

¹⁾ Эта ругательная фраза произносится какъ киргизами, такъ и сартами, краткимъ словомъ: „Кызь-талакъ“. А. Д.

Подбѣзжая, онъ увидѣлъ семь плѣшивыхъ, которые сидѣли и поглаживали себѣ усы.

— Что я потерялъ отъ того, что вы сожгли мой хлѣбъ? Оказывается въ этомъ мѣрѣ зола-деньги. За 10 верблюдовъ золы я получилъ 10 верблюдовъ хлѣба, сказалъ одинокій плѣшивый семи плѣшивымъ.

— Въ такомъ случаѣ и намъ надо добывать богатство: сождемъ весь нашъ хлѣбъ и сѣно, и обратимъ въ золу, (сказали) семь плѣшивыхъ.

Обративъ сѣно и хлѣбъ въ золу, семь плѣшивыхъ взвалили золу на плечи и отправились (продавать) съ крикомъ: „кому золы, кому золы!“

Люди, слышавшіе эти возгласы говорили между собою: „Должно полагать, что эти (продавцы) дураки“. А затѣмъ вслѣдъ имъ кричали: „Вонъ у насъ противъ юртъ сколько навалено золы, если вамъ нужно, то заберите кстати съ собою!“

Осрамившись вдоволь, (семь плѣшивыхъ) къ вечеру вернулись домой.

— Чтобъ его дочь была разведена! И обманулъ и осрамилъ онъ насъ. Остается его только убить (порѣшили семь плѣшивыхъ).

Пошли они въ юрту одинокаго плѣшиваго. Увидя ихъ, одинокій плѣшивый убѣждалъ, а семь плѣшивыхъ погнались за нимъ.

Продолжая бѣжать, одинокій плѣшивый встрѣтилъ бараньяго пастуха.

— О, плѣшивый, откуда это вы такъ бѣжите? спросилъ пастухъ.

— Да вотъ въ нашемъ городѣ померъ казій ¹⁾, и меня хотятъ избрать въ казіи, а я не хочу. Вонъ люди, что виднѣются, преслѣдуютъ меня, а я отъ нихъ убѣгаю. Не желаешь ли быть казіемъ, спросилъ пастуха плѣшивый.

— Со дня рожденія моего я пасъ барановъ и ничего хорошаго не видѣлъ. Такъ и быть, буду казіемъ, отвѣтилъ пастухъ.

— Если такъ, снимай съ себя платье, оставь мнѣ своего осла и бѣги дальше, какъ я бѣжалъ, сказалъ плѣшивый.

Пастухъ сбросилъ съ себя одежду, оставилъ своего осла и пустился бѣжать, а плѣшивый, одѣвшись въ его платье и сѣвъ на

1) Казій—народный судья. А. Д.

осла, погналь барановъ. Когда убѣгавшій пастухъ уже приближался къ одной рѣкѣ, его догнали семь плѣшивыхъ и схватили.

— Если хотите, чтобы я былъ казіемъ, я буду казіемъ, если хотите, чтобы я былъ ханомъ, я буду и ханомъ, сказалъ убѣгавшій пастухъ.

— Чтобъ его дочь была разведена! Онъ съ испугу то съ ума спятиль и городить не зная чего, проговорили дурни семь плѣшивыхъ и, не подозрѣвая, что это не одинокій плѣшивый, бросили (пастуха) въ рѣку. А потомъ—воскликнувъ: „слава Богу, мы избавились отъ одинокаго плѣшиваго“—отправились домой.

Когда насталь вечеръ, одинокій плѣшивый, сидя на ослѣ, гналъ передъ собой гуртъ барановъ. Смотрить, помянутые семь плѣшивыхъ сидятъ и поглаживаютъ свои усы.

— Какъ такъ, откуда ты взялся? спросили семь плѣшивыхъ одинокаго плѣшиваго.

— Да вы, оказывается, сдѣлали для меня большое добро: все наши отцы и дѣды и все богатство міра находится, оказывается, на днѣ рѣки, отвѣтилъ (одинокій плѣшивый).

— Покажи намъ пожалуйста все это, просили семь плѣшивыхъ.

Сказавъ: „хорошо“, одинокій плѣшивый погналь своихъ барановъ къ крутому берегу рѣки, за нимъ послѣдовали и семь плѣшивыхъ. Тѣни барановъ отражались на водѣ.

— Если вамъ нужны бараны, такъ вонъ они, сказалъ одинокій плѣшивый, указывая на тѣни.

Обрадованные семь плѣшивыхъ воскликнули: „А какъ же мы туда спустимся?“

— Каждый изъ васъ долженъ опоясаться крѣпко накрѣпко, наложить за пазуху камней и спуститься (сказалъ одинокій плѣшивый).

Надо сначала одному спуститься.

Тутъ одинъ изъ плѣшивыхъ, взявъ въ руки хворостину, полѣзъ въ воду, камни увлекли его на дно, а хворостина помахая также скрылась въ водѣ.

— Вотъ, видите, онъ вамъ машеть, зоветъ васъ туда, сказалъ одинокій плѣшивый.

Тогда и оставшіеся шесть плѣшивыхъ бросились въ воду и потонули.

Итакъ, одинокій плѣшивый достигъ желаемаго. Пословица го-

ворить: „Кто несправедливо копаетъ яму другому, того Богъ верзеть въ бездну“.

Переведено съ рукописи киргиза Чимкентскаго уѣзда, Ногай-Куринской волости, Иркембека Ахенбекова.

2.

Мудрая дѣвица.

Въ прежнія времена былъ одинъ богачъ, онъ имѣлъ одного сына и одну дочь.

— Дитя мое, когда ты выростешь большимъ, женись по собственному выбору, сказалъ отецъ сыну.

Когда настало время сынъ отправился по ауламъ разыскивать себѣ жену. Отыскавъ одну женщину, онъ явился къ отцу и сказалъ, что нашель (невѣсту).

— Женщину или дѣвицу?—спросилъ отецъ.

— Женщину,—отвѣтилъ сынъ.

— Нѣтъ, не бери ее, возьми дѣвицу, сказалъ (отецъ).

— Не найдя дѣвицы и рѣшивъ жениться на женщицѣ, сынъ опять вернулся къ отцу и сказалъ, что онъ нашель женщину.

— Нѣтъ, не бери, ты ищи дѣвицу, сказалъ (отецъ).

Сынъ опять отправился разыскивать. Черезъ нѣкоторое время онъ вернулся къ отцу.

— Ну, что же нашель?—спросилъ отецъ.

— Найти-то нашель, да только женщину.

— Нѣтъ, не бери, сказалъ отецъ.

— Дѣвицы я не нашель, все равно, женюсь хоть на женщицѣ.

— Какъ угодно, если хочешь—женись, сказалъ, не видя исхода, отецъ.

Сынъ женился.

(Какъ то) богачъ, тяжело заболѣвъ, сказалъ своей снохѣ: „Сношка моя, у меня есть въ наслѣдство для васъ большое богатство. Я никому объ этомъ не говорилъ. Ни сынъ, ни дочь мои про это не знаютъ. Когда они впадутъ въ нужду, такъ вы выдайте имъ вотъ это богатство, сказалъ богачъ, указывая на порогъ (юрты); тамъ вы найдете зарытое въ землѣ состояніе. Сказавъ это, богачъ померъ.“

Сноха послѣ того сблизилась съ однимъ человѣкомъ и, надѣливъ его богатствомъ, добытымъ изъ-подъ порога, обогатила его.

Желая (окончательно) соединиться со своимъ близкимъ человекомъ, она, посовѣтовавшись съ нимъ, отправила обѣднѣвшаго мужа съ кладью въ одинъ городъ.

Сынъ богача, узнавъ, что царь того города, куда онъ ѣдетъ съ кладью, любитъ играть въ азартную игру, пріѣхалъ къ нему.

Игра царя заключалась въ томъ, что онъ бралъ нѣкоторую сумму денегъ, завязывалъ въ узелокъ, а потомъ, поставивъ кошку на хвостъ свѣчу, пускалъ ее въ бѣгство. Если кошка бѣжитъ по направленію къ вамъ, то свѣча падаетъ въ противоположную сторону.

Итакъ, царь затѣялъ игру съ сыномъ богача. Какъ только царь пустилъ кошку бѣжать, такъ свѣча отлетаетъ въ сторону сына богача.

Такимъ путемъ сынъ богача проигралъ всю свою кладь, а въ концѣ концовъ проигралъ и самого себя.

Получивъ объ этомъ вѣсть, жена сына богача рѣшила отправить (къ царю) и сестру ея мужа. Давъ ей много богатства, отправила.

Дѣвица эта была настолько умна, что, узнавъ о проигрышѣ брата, захватила съ собою мышенка.

Пріѣхала она въ городъ, отправилась къ царю и начала играть съ нимъ. Когда пустили кошку бѣжать, дочь богача показала ей изъ рукава мышку, тогда кошка побѣжала по направленію къ дѣвицѣ.

Царь не зналъ о присутствіи тутъ мыши, а потому онъ проигралъ все свое состояніе, проигралъ и состояніе своихъ подданныхъ. Мало того, дѣвица выиграла и самого царя.

Выѣхала (обратно) дѣвица изъ города (домой) вмѣстѣ съ царемъ. Встрѣчные подданные царя спрашиваютъ ее, уступить ли она за выкупъ (ихъ царя). Она отвѣчаетъ, что за выкупъ не уступить, но соглашается уступить, если они отыщутъ и возвратятъ ей того человѣка, котораго обыгралъ въ такое то время царь.

Подданные царя обрадовались и тотчасъ же, приведя брата дѣвицы, вручили ей.

Итакъ, дѣвица, встрѣтившись съ братомъ, достигла своей цѣли.

Переведено съ рукописи киргиза Перовскаго уѣзда, Макана Чектыбаева.

3.

Умный сынъ.

Въ прошедшія времена жилъ одинъ богачъ, у этого богача было три сына. Упомянутый богачъ имѣлъ несмѣтное богатство. Въ одинъ изъ дней богачъ спросилъ сыновей: „О, дѣти мои, если я помру, какъ вы меня будете хоронить?“

На это старшій сынъ отвѣтилъ: „О, отецъ, если ты помрешь, я устрою тебѣ такія похороны, что истрачу четвертую часть нашего богатства. Послѣ того средній сынъ сказалъ: „О, отецъ, чтобъ Богъ прибралъ моего старшаго брата, онъ, оказывается, ненасытенъ къ богатству. Да я истрачу на тебя (похороны) половину нашего богатства.“

Младшій сынъ въ это время молчалъ.

— Что же ты, дитя мое, молчишь, спросилъ его отецъ.

— О, отецъ, я все сижу да и думаю... (Какъ я похороню тебя)—это ужъ будетъ вѣдать смерть и мои къ тому времени недостатки, отвѣтилъ младшій сынъ.

— Вы, мои два (старшихъ) сына, оказывается, неучи, а младшее мое дитя—умное, воскликнулъ отецъ.

Въ одинъ изъ дней, по волѣ Всевышняго, прекратилось существованіе богача. На его аулъ напали хищники, изрубили всѣхъ взрослыхъ, гдѣ погибъ и богачъ. На похоронахъ его приняли участіе только дѣти его.

Опуская въ могилу своего отца, младшій сынъ богача (печально) произнесъ: „О, отецъ мой, вотъ какова твоя смерть, вотъ каковы твои похороны!“

Никогда не слѣдуетъ говорить впередъ: что я сдѣлаю то-то и то-то, а нужно прежде сдѣлать, а потомъ сказать: я сдѣлалъ то-то.

Переведено съ рукописи киргиза Ташкентскаго уѣзда, Акъ-Джарской волости, Мулла-Кубея Токфулатова.

А. Диваевъ.